

№ 9 МАЯ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕНА

**25 ЛЕТ
ВЕЛИКОЙ
ПОБЕДЫ**

БЕРЛИН. 9 МАЯ 1945 ГОДА...



...В навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том, быть народам Советского Союза свободными или власть в порабощение.

ИЗ ДИРЕКТИВЫ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР И ЦК ВКП(б) ОТ 29 ИЮНЯ 1941 ГОДА.

ТЕМ, КТО НЕ ЗНАЕТ ВОЙНЫ

От уже четверть века, как я, демобилизованный солдат, пришел в школу и стал учить детей истории, рассказывать им о прошлом нашей Родины, о корнях нашего народа и, конечно, о войне. И каждый раз перед уроком меня охватывает тревожное напряжение. Как найти слова, чтобы передать то, что ты пережил в рукопашной схватке, при арналете, под дулом вражеского автомата при расстреле... Я читаю в учебнике истории: «...уничтожено 70 тысяч сел, сотни и тысячи городов, погибли около 25 миллионов человек, разрушено 31 859 промышленных предприятий, 40 тысяч больниц, 84 тысячи школ, 98 тысяч колхозов... Мы потеряли в войне 22,3 миллиона человек... Таков итог...»

Таков итог! И меня охватывают гнев и смутнение: хороша ты, наука статистика, уважко я тебя, но тут ты лучше отойди в сторону! Не за свое ты дело взялась: не хватят у тебя ни миллиардов, ни биллионов, не умест тебе ни смерти, ни крови и слез, ни страданий и горя матерей, вдов и сирот, ибо это не подлечит учету. Моря и даже океаны имеют объемы, площади, берега. Потери и страдания людские безграничны!

Сколько польза на нас бронированных чудовищ, летело стальные птицы, сколько цельность в нас орудичных жерл и пулеметных точках! Сколько чудовищный поток металла нам кидали нам в лицо... Все это надо было остановить, закрыть грудью, принять на себя... И мы остановили, разгромили, обратили в пыль и прах.

Готовясь к войне, фашистские генералы подсчитали все: ширину фронтов, насыщенность вооружением, соотношение в танках, самолетах, зенитных, и какой какой город взять...

Одну «мелочь» не учли — характер советского человека. Не предусмотрели, что в первые дни Авиации Красной Армии вольются 1,5 миллиона добровольцев, а через два месяца — 5 миллионов. Не учли того, что наше поколение, родившееся после Октября, вслед за словом «мама» научились говорить «Ленин», «коммунизм», что оно не разрывало понятия «я» и «мы», «я» и «дяденька».

«Надо признать, что мы недооценили силу Красной Армии», — мрачно процедило потом на скамье подсудимых в Нюрнберге фельдмаршал Кейтель. «Мы страдали постоянной недооценкой русских сил», — будет вторить ему Йодль. «Советский солдат сражался за свои политические идеи сознательно и, надо сказать, даже фанатично», — напишет в своих воспоминаниях генерал-полковник Френсер — это было коренным отличием всей Красной Армии и особенно относилось к молодым солдатам...»

«...И особенно относилось к молодым солдатам...» — это признание гитлеровского генерала не случайно. Орден Ленина на знамени ВЛКСМ, боевые награды коммунистских организаций Украины, Белоруссии, Москвы, Ленинграда, Волгограда, Севастополя, Краснодара, три с половиной миллиона орденов и медалей, врученных комсомольцам, — вот как сражался Ленинский комсомол за победу над фашизмом.

Победа... Как им, солдатам, ждали этой минуты! А она пришла на удивление просто, обыденно как встает солнце, как наступает новый день. Вдруг разом стало падать напряжение боя, смолкли грохот артиллерии, автоматная и пулеметная трескотня на улицах Берлина и мы увидели: стрелять больше некуда. Врага не было, он исчез, испарился... Берлин взят, рейкстаг взят, из последней щели вылез с поднятыми руками последний фашист, во всех оковах — больше флага!... Стоим, топчёмся на месте, ошалели, растерялись от догадок, но еще не верны, идём, идём глазами, куда бы опорочить остаток магазина в автомате, а радом артиллеристы у орудия возятся: не знают, что делать с досланным в везинчик снарядом, — ведь его-то, чертучку, назад не вытаскаш!

Потом мы стояли на крыше рейкстага, и у наших ног лежал пылающий Берлин. Горели, рушились черные корябины домов, дымилась изуродованные деревья в Тиргартен-парке, поначивались трупы в красных от крови волнах Тельтов-канала. Но вот ветер смахнул зловещие шлейфы дымов, раздвинул лиловые, согревавшие желтым дождем облака, и разом открылась бездонная синь неба, беснуясь теплое весеннее солнце. И даже свисточ над пожарниц мы услышали аромат скверин — запах мирной жизни. И наши лица, худые, небритые, чумазые от сажки, с засосанными потеками крови и пота, дрогнули от слез и радости: кончилась война! Победа! Победа! Что творилось в наших сердцах и душах в те минуты! Мы победили!

Когда в воспоминно перенитое, вместе с картинными бова встает аэродром Темпельгоф, где летом 1945 года мы встречали прибывающих в Берлин на Потсдамскую конференцию глав правительств наших союзников. Стройная шерenga почетного караула, специально подобранного из русских, сильных солдат с наградами во всю грудь, и — Черчилль. Он идет вдоль нашего строя медленно, не спеша, почти наступая на носок солдатских сапог, назначенных до снятия. Поочередно останавливается у каж-



Иван МИРОШНИКОВ,
сержант запаса

Смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

№ 9 [1031]

МАЙ
1970

дого солдата и смотрит в глаза — смотрит пристально, неотрывно, пронзительно — как каинито-то даме суверенным стрижком. Качает головой в раздумьи и шепчет тамной сигаретой на его серые потресканные щеки: «Одного или двух солдат он даже взял за пуговицы, пощупал суюно на мушкетра, но в глазах его стоял один вопрос: «как эти простые русские парни, такие обычные на вид, сумели от берегов Волги дойти до Берлина? Почему, почему они победили?»

«Почему они победили?» — и сейчас вопрошает у ухом наш враг, но боится ответа, боится правды, потому что она звучит для них как смертный приговор. И они крутят, лгут, изворачиваются, ищут выходы. Так начинаются эскапады по русскому вопросу, «по связям с немецкими плацдармами в польских армиях, коварствам в откопанных местах истории, в черных дуновениях предателя-перевесчиков. Они не понимают, но хотят понять, не могут понять, почему Матросов грудью зекнул амбразуру пулемета, почему фашистский инженер не удрался заставить Зоику загореться, почему панфиловцы с гранатами в руках ринулись под гусеницы вражеских танков... Шли в бой не просто люди, цепи пехоты, танки, самолеты, шел в последний и решительный бой весь наш советский народ, шло его героическое прошлое и настоящее, Октябрь и пятилетки, перелеты через поляны и реверды в шатлах, на полях, наших песни и наша юность, наше будущее!

Почему мы победили... Они понять не могут. Но ты, мой молодой современник, поймешь. Момент был, сегодня, когда мирно светит солнце и не надо идти в рукопашную, понять это нелегко, но ты должен, обязан понять! Потому что тебе нести Победу дальше — а венка Беречь его, охранять от тех, кто тянется к ней грязными руками.

Мы строим новое, невиданное в истории человечества общество. Мы у всего человечества на виду. Каковы его нравственные и физические превосходства над умирающим, злобствующим старым миром должны обладать мы, советские люди, особенно наша молодежь, чтобы всегда оставаться на такой высоте! Чтобы устоять перед атаками старого мира его грядущей, ижевской, навесками, чтобы оправдать надежды, доверие всех друзей мира!

Мы идем неизведанными тропками, а это трудно, очень трудно! У нас путь устал не только розам, но и терниям, а враги взвешивают каждую нашу шаг, ищут каждую щель, куда можно было бы бросить свои ядовитые семена.

Мы не можем, не имеем права просто жить, просто работать, просто строить, учиться... Время требует от нас полной отдачей сил, опыта, знаний, совести, всех тех качеств, которые остаются в нас партия, комсомол, народ. Сегодня каждый процент сверх плана, каждый спортивный рекорд, новое открытие ученого, каждая победа над слабостями, косностью, невежеством имеют гигантскую убеждающую силу, работают на коммунизм!

Победа объявляет, кровь наших павших товарищей стучит в наши сердца, напоминает о долге наших перед мертвыми, перед нашей совестью. И речь идет не о том, чтобы помнить о павших, привести в надлежащий порядок их могилы, украсить их памятниками, выполнять заповедь «Никто не забыт, ничто не забыто», — это просто наша человеческая обязанность.

Пять лет назад, в 20-ю годовщину Победы, по стране была объявлена минута молчания: в могилу опустили останки Неизвестного солдата. Замерло все. Люди тронуто молчали. Стояли и молчали. В могилу опустили Неизвестного солдата, а во миллионах юности вставали, воскресали побуждениями богатства и непобедимости, завет наших побед! С ней нам не страшны никакие испытания, трудности, потрясения. С ней мы непобедимы! Вспоминаю своих боевых друзей и наш разговор на высоте у Сталина-града. Спокойно не было, не было вет разговоров, в те дни среди солдат О кончи войны, о том, что надо будет сделать с Гитлером, о будущей нашей мирной жизни. Боицы говорили тогда как-то по-особому чисто, открыто, словно предчувствовали то, что должно было свершиться в конце дня.

Через три часа началась очередная атака фашистов. Они пошли на нас густыми цепями, вперед пустили 18 танков, а за нас оставались последние бутылки с горючей жидкостью и последние связки гранат. И тогда встал самый старший из нас, Василий Кирков, и принял в грудь гранату, пошел наперекор бронированной палице и лег под гусеницы танка. А за ним и другие... И только мне суждено было тогда остаться в живых, дойти до Берлина и расписаться на задымленных стенах рейхстага.

Все эти годы как завещание, как боевой приказ оставались в живых брату и в своем сердце слова Василия Киркова, сказанные нам, молодым, за несколько часов до героической гибели: «...И вот клануть, зарок себе даю: если выживу — иначе жить буду! За себя, за тех, кто погибнет... Жить я должен в дне, в три, в сто минут! Вставать буду пораньше, чтобы видеть солдата, чтобы по земле буду босиком ходить, чтоб тепло и ласку его чувствовать, быть и ней близким... Обойду все села, города, всем людям в глаза и в душу взгляну, буду все праздники отмечать, для всех двери дома своего распахну — пусть идут ко мне в гости, и с к ним все поговорю, песни буду петь и ругаться им с чужими, буду бороться, чтоб и моя жизнь человека дана, чтобы на ветер ее пускать! И тут не обязательно на Северный полюс лететь, Чалювым быть, в героизм ходить... К примеру — срубил я бэбу, или скажаме, лозу выстроган. Но сделать это так, чтобы и изба и человек смеялся, излучил огнем светлячки и люди посмотрели и сказали бы: «Вот это да! Тамого еще не было!»

Эти слова сказаны простым солдатом четверть века назад. Но и сегодня они звучат современно, в них суть нашей жизни: быть всегда с людьми, жить направленно, для людей, а не для себя. Глаза бойца, свое место среди людей, быть полезным. Родной народ, помнить, что ты и зачем пришел на землю, за которую отдали жизнь Чирков и миллионы его побратимов.

Наша обложка: На степных утесах восточной рижской окрестности, среди фашистских развалин, стоящих на пожарище хлямом.

Фото Евгений Х.А.Д.Ф.И



2

КОМСОМОЛ — ФРОНТУ, Документы первых дней войны.



8

ГОРЕЛА ЗЕМЛЯ ПОД НОГАМИ ОККУПАНТОВ. Рассказывает заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения С. С. БЕЛЬЧЕНКО.



10

НАС НАЗЫВАЛИ ТАНКО- ГРАДЦАМИ. Воспоминания министра внешней торговли СССР Н. С. ПА- ТОЛИЧЕВА.



24

«ОСВОБОЖДЕНИЕ». Оты- рывок из сценария Юрия БОНДАРЕВА, Оскара КУРГАНОВА и Юрия ОЗЕ- РОВА.



В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

СТРАНА ПРАЗДНУЕТ СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ЛЕНИНА

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА О МОЛОДЫХ КОМУНИСТАХ 20-х ГОДОВ

ОТЕЦ И СЫН У СТАНКА. ФОТООЧЕРК О РАБОЧИХ ЛЕНИНГРАДСКОГО ЗАВОДА «ЭЛЕКТРОСИЛА»

ОЧЕРК О ЛАУРЕАТЕ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА, ДОКТОРЕ НАУК ГЕННАДИИ МЕСЯЦЕ — ДЕЛЕГАТЕ XVI СЪЕЗДА ВЛКСМ

г. КАМЕНСК-ШАХТИНСКИЙ
Ростовской области.

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАККОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Домнатюк, И. Н. Замощин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Литвинов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Е. И. Рабичнов, Г. В. Семисов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный

зудожник]

ВСТАВАЙ, СТРАНА

ИЮНЬ 1941

Это подлинные документы огненного 1941 года. Только-только отлаучили по радио тревожные слова сообщения о фашистской агрессии, а у дверей военкоматов стали собираться очереди добровольцев, готовых с оружием в руках защищать Родину. Лишь в Москве за первые три дня войны было подано 50 тысяч заявлений. И, как всегда, в первых рядах шли комсомольцы — боевой авангард советской молодежи.

На комсомольских билетах в числе друзей и орденом, которым награжден Ленинский комсомолец за участие в Великой Отечественной войне. Он напоминает о постоянной готовности к защите Отечества.

**ИЗ СВОДКИ ГЛАВНОГО
КОМАНДОВАНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ
за 22.VI — 1941 года**

С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря...



Москва. Сообщения о начале войны. Фото Евгения ХАЛДЕЯ

**ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВЛКСМ
«О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО ВОЕННОЙ
РАБОТЕ В КОМСОМОЛЕ»**

23 июня 1941 года

В связи с вероломным, разбойничьим нападением германских фашистов на нашу страну ЦК ВЛКСМ требует от всех комсомольских организаций удвоенной бдительности, сплоченности, дисциплины, организованности.

ЦК ВЛКСМ требует, чтобы каждый комсомолец на своем посту работал так, как достойно для советского патриота, помогая бы обеспечить нашу Красную Армию, Военно-Морской Флот всем необходимым для победы над врагом до полного его уничтожения.

ЦК ВЛКСМ требует, чтобы каждый комсомолец был готов с оружием в руках биться против нападающего захватчика врага, за Родину, честь, за свободу.

**ОТ ЧИТИНСКОГО КОМСОМОЛЬЦА
ЕВГРАФА ЛАТЕНКО**

Прошу послать меня на передовую линию фронта. Я отдаю все силы, отдаю свою жизнь за Советскую власть, за великий советский народ. В этом я даю слово комсомольца — ровесника Октября.

**ОТ ВОЛОГОДСКОЙ КОМСОМОЛКИ
ИВАНОВОЙ**

Настали суровые дни. Над Родиной нависла смертельная опасность. Но

Обнаглели, захмелевшие от перемы успехов, шагают они по нашим дорогам, оставляя за собой смерть и разрушения.



Так начиналась эвакуация. Десятки тысяч людей поднимались с родных мест и спешили за отступающими частями — только бы не остаться под фашистами...

Фото Льва РЮМКИНА



НА ОГРОМНАЯ!

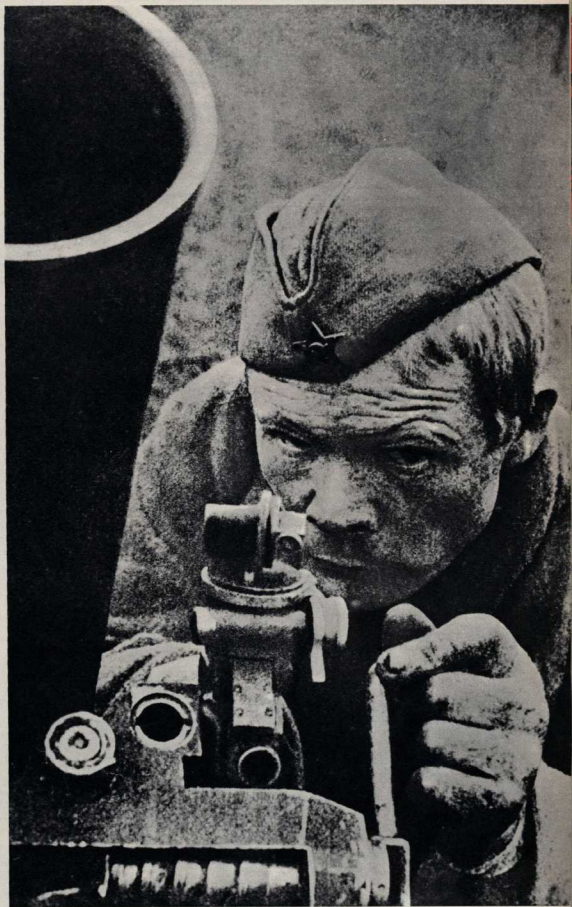
мы бесстрашны! Мы пойдем защищать свое Отечество, свою свободу в любую минуту.

Гитлер, потопивший в крови Европу, думает покорить советский народ. Не бывать этому! Я прошу зачислить меня в ряды РККА. Умою владеть винтовкой и желаю сейчас быть на фронте, быть в рядах бойцов-фронтовиков. Мое сердце горит ненавистью к фашистам, и лучше пролить кровь, оставив свою честь, чем пасть на колени перед Гитлером.

Какой ненавистью к врагу горят твои глаза, русский солдат.

ОТ УЧЕНИКОВ-ВЫПУСКНИКОВ 10-4 СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ГОРОДА МУР-МАНСКА

В бой — вот наше единое желание! В самую горячую схватку с врагом! Комсомол и школа научили нас



самому необходимому... Все мы ходим хорошо на лыжах, а отряды ПХО мы научились тушить пожары, обезвреживать бомбы, поддерживать революционный порядок. Все это мы применили на деле.
Мы знаем, что война сурова, что предстоящие бои будут самыми жестокими. Но ничто не страдит нас. Вспугнет походы! Гитлер найдёт себе могилу у наших границ. Фашизм будет стрет с лица земли.

А. Борзов, П. Зубарев, В. Кожанов, Е. Ефремов, О. Прокопьев и др.

ОТ ИРИТСКОГО КОМСОМОЛЬЦА А. ПРИПЕСОВА

Родина! Что может быть прекраснее и благороднее этого дорогого сердцу слова! Я оставляю завод, где работаю станководом, чтобы с оружием в руках защищать любимую Родину.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ГРУППЫ МОЛОДЕЖИ К МОЛОДЫМ РАБОЧИМ УРАЛМАШЗАВОДА

На нашем ратном участке в большинстве своем работает молодежь. Каждый день, каждый час и минуту мы стремимся использовать для фронта. Две нормы — это мало для нас.

Сознвая серьезную опасность, которая нависла над нашей великой Москвой, мы объявляем наш комсомольско-молодежный участок фронтовым. С сегодняшнего дня считаем себя рабочими-фронтовиками, которые обязуются, не щадя своих сил, не считаясь с усталостью и временем, выполнять любое задание для Красной Армии.

Мы вносим предложение создать в каждом цехе нашего завода фронтовые молодежные бригады, которые бы своими беспримерным, героическим трудом, железной дисциплиной, увлекли коллектив на новые подвиги.

На нашем заводе работает много комсомольцев и молодых рабочих. Эта армия должна творить чудеса. Будем своим трудом беспощадно громить фашистских гадов.

Мастер участка комсомолец Попов, ратнички Шухвич, Борцов, Кошнякин, Андреев, Гайдамар

ИЗ ЛИСТОВОЙ ПОДПОЛЬНОЙ КОМСОМОЛЬСКОЙ ГРУППЫ

...Товарищи, не верьте лживой немецкой пропаганде! Не выполняйте распоряжений немецких учреждений! Боритесь и сопротивляйтесь немецким властям, как это делают могучественная Красная Армия и все советские народы! Слушайте московские известия! Выполняйте свой патриотический долг, как это требует Советское государство, народ и весь рабочий класс...

ВООБРАЖЕНИЕ ПРИСЯГА ПАРТИЗАНА АНАТОЛИЯ ШУМОВА

...Два торжественную клятву в том, что обязуюсь перед своей матерью-Родиной до последней капли крови честно и самоотверженно бороться с германским фашизмом до полного его уничтожения.

Обязуюсь соблюдать строжайшую дисциплину и тайну. Да постигнет меня суровая ярость, смерть, если я стану в борьбе или нарушу свою клятву партизан!

ИЗ СТАТЬИ СЕКРЕТАРЯ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО И ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТОВ ВЛКСМ А. ПЕГОВА

Комсомол Москвы и области послал на фронт свыше двухсот тысяч лучших своих сынов и дочерей. Многие из этих молодых людей пришли рядовыми бойцами, закалились в горниле войны, проявили великое мужество и отвагу, и теперь многие из с гордостью прозвонит каждый советский патриот. Таковы Герои Советского Союза летчики Талаликин и Демичук. Оба они оказались из той породы людей, которые умеют не дрогнуть смотреть в лица смерти. Про знаменитый трагиз Талаликина много уже писали. Меньше известен подвиг Демичука. Этот комсомолец охранял подступы к столице, сбил в воздушном поединке фашистский бомбардировщик. Во время сватки появился второй вражеский самолет — «Хэнкель-111». Отважный пилот решил немедленно принять бой, но у него скоро истекли патроны. Тогда Демичук пошел на तरан. Со-

ветский истребитель был уже у цели, когда вражеская пуля ударила в грудь героя-летчика. Собрав последние остатки сил, комсомолец Демичук врезал свой истребитель в тело фашистского хищника, и немецкий самолет, облитый пламенем, рухнул на землю...

Еще об одном героическом защитнике Москвы хочется сказать сейчас — о Сергее Белове. В критический момент боя, когда лавина фашистских танков ринулась на наших бойцов, отважный юноша, на секунду не задумываясь о грозившей ему смертельной опасности, вызвал на себя огонь своих же батарей и этим помогал врагу продвигаться на одном из важных участков Западного фронта.

Сейчас Московская организация комсомола с особой энергией работает над созданием коллектив, надежных резервов Красной Армии. В каждом районе столицы, в районах и городах области существуют комсомольско-молодежные формирования. Тысячи молодых людей совершенствуют здесь знания, полученные во Всеобуче. Они учатся отлично стрелять из пулемета, автомата, снайперского винтовки, истреблять танки врага, уничтожать его живую силу минималистским огнем.

ИЗ ПИСЬМА КОМСОМОЛЬЦА КУЗЬМИНА МАТЕРИ

Не листай, мама, закапанные воском листы древних книг, не ходи к деду Аришу Наидену, не иди вместе с ним святого чуда в наших удивительных делах. Послушай меня: мы побеждаем смерть не потому, что мы неуязвимы — мы побеждаем ее потому, что деремся не только за свою жизнь, мы думаем в бою о жизни мальчика-зубека, грузинской женщины, русского старика. Мы выходим на поля сражений, чтобы отстоять святая святых — Родину. Когда я проношу это слово, мне хочется стать на колени.

Дорогая мама! Я готов спокойно умереть в бою во имя жизни Родины, не дрогну дажде тогда, когда вспомню, что тебе придется остаться одиноким, бедь сына.

Крепко целую тебя. Твой сын.

ОКТАБРЬ 1941

ПО СТРАНИЦАМ ВОЕННОЙ «СМЕНЫ»

Вступление

Положи на сердце эту песню. Эту сторону каблуку зольки! Жизнь гвардейца! Повторись! Воскресни Песнею о двадцати восьмью!

Проходи, мой стук, путем победным. Чтобы, изучая не спеша. Не думкою воспоминаний бледным — Дымом артиллерии дышать!

Проплывай гвардейские знамена. И ракеты всплывают на пути. Каждого гвардейца поименно Пригласис в бессмертие войт.

Вытарап о ступенях ноги. Он взойдет тихонько по крыльцу. Он войдет и встанет на пороге Песни, посвященной храбреду.

Бледный и усталый от сражений. Он войдет и скажет на ходу: «Я в гряди, я здесь — стокротворенье! Лучше я, товарищи, уду!»

Оставис! Мы тебя не пусти! Здесь твои дом! И здесь твои семья! Лучшая учительница чувством — Русская застенчивость твою!

Домовитый, муштрованный, честный. По-хозяинскому поскитр вокруг. Поз-хозяинского — не песьня! Будь во хозяйном, мой друг!

Потому что каждая страница — Мужества широкие поля. Песням, легендам, пшеницей Русская богатава земля!

Заходи же! Ты имелав право! Ты бессмертен! Ты хозяин тут. Потому что река нашей славы В океан бессмертия текут!

И опять идут за ротор рта В смертный бой, и вперед. Большая советская партия высота. Комсомола яркие огни!

Комсомолец

Комсомолец! Это слово давно Произносится нашей наравес. Это партия ранний посев, ВВП золотое зерно.

Старость начисто юность сметет. Я до старости чуть не дошел, Слышу — мужество в марше идет. Оборачиваюсь — комсомолец!

Ты меня через годы провел. Терпеливо учил сонинуть... Мне б до старости славу гонять! Задыхаясь, донял — комсомолец!

Ты и слава и мужество ты! Ты большое семейство одно. Поднялся горам на зретья. Опускался ущельям на дно.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю в ряды Красной Армии...» — слова воинской присяги звучали в те дни по всей нашей стране, сливаясь в единую клятву народа.



Фото Нана ШАГИНА

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ

Михаил СВЕТЛОВ

Главы из поэмы



Рисунок Григория ЦУКИНА

Через снег, через топи болот
Миллион комсомольцев идет.
Это выдуть даже нельзя,
Чтобы были такие друзья!

Коммунист! Комсомолец! Боец!
Нам назад отступать не дано!
И тогда двадцать восемь сердец
Застучали, как сердце одно.

И тогда молодой политурак
Посмотрел на себя, на ребят —
Двадцать восемь протянутых рук,
Двадцать восемь звонящих гранат!

Когда умирают гвардейцы

Тебе не расстаться с шинелью,
Ни разу тебе не расстаться...
Снега! Поднимитесь метелью,
Когда умирают гвардейцы!

Звезда боевого ночлега
Над нами мерцает, как раньше...

Трава! Поднимитесь из-под снега
Приветствовать наше бесстрашие!

С врагом до последнего бития
Вело нас гвардейское знамя...
Последних минут очевидцы,
Склонитесь, березы, над нами!

Идем, политурак ведомый,
К победе и смерти готовым...
Эх, жаль, что далеко до дому
И ворон не голубь почтовый!

Подружка моя молодая,
Но станей невеста вдовую...
Огонь по переднему краю!
За мною, гвардейцы, за мною!

Сибирской ночной тишиною
Покрыта Тамбовская область...
За мною, гвардейцы! За мною!
На подвиг, на славу, на доблесть.

Заснежена наша избушка,
Малычонка играет с собакой...

Гвардейцы! Фашиста — на мушкету!
За мною, гвардейцы, в атаку!

Мы вновь не умиримся, будто...
Прощайте навеки, родные!
Предсмертной разлуке — минуту,
А Родине — все остальное!

Мы жили с вами счастливою,
Мы прожили вен, не случая,
Гранат и снарядов разрывов
Гвардейскою шуткою встречаю...

Все ближе стучат автоматы,
И танки надвинулись глухо...
Но сталь и железо, ребята,
Помычки гвардейского дула!

Друзья! Мы не будем забыты!
По капле всю кровь свою отдав,
Мы были почетною святою
Союза советских народов!

Лети же, последняя пуля,
И в горло тевтонское вбейся...
Бессмертье встанет в карауле,
Когда умирают гвардейцы!

«По страницам военной «Смены» — так называется одна из рубрик этого номера. В годы Великой Отечественной войны выпуск журнала не прерывался ни разу. Ухудшалось качество бумаги, уменьшался формат, сдвигались номера, но все равно «Смена» выходила в срок, и почти весь тираж шел на фронт — молодым бойцам. В военной «Смене» сотрудничали лучшие советские писатели и журналисты. Многие из напечатанного в журнале тех лет вошли в сокращенную нашу антологию о войне. Некоторые из этих произведений мы предлагаем читателям сегодняшней «Смены».

Завещание

Ушла гвардейская семья,
И распрости с этим некогда...
Вставай, фантазия моя,
На пост разьезда Дубосенова.

По падыя землю осмотри
В снегах молчанья угрюмого
И каждый подым повтори,
Бессильная сама выдумывать!

Ты собери по капле кровь,
Поля поляны невеселыми,
Чтоб стали двадцать восемь вновь
Земли советской новосельями.

Не устали слова атак
Ни горестью и ни печалью...
Гвардец скажет: — Нет! Не так,
А веселее умрели мы!

Достоин смерть свою встречал,
Как будто жизнь встречает заново,
Так, я свидетель, умрел
Мой друг Крючков Абрам Иванович.

Сознаю, что сделал все, что мог,
Сложно, как всегда, как дачею,
Недвояко как Дробобин лет —
Так смерть наша Иван Евстафьевич.

Но веселее всех бойцов,
Как будто сто сердец в груди его,
Погиб наш политурак Ключков,
Которого я знал как Диева!

Пусть мне сто лет промчатся сулят,
Пусть вечность поднесут на блюде,
Я политура и ребит
Помню, только мертвым будущи!

И Шепетова — земляка,
И Сенгирбаева — татарина,
Но только жюкиди один пока
Бойцу с рождения подарена.

И мне, дружок, не по плечу
Наш общий подвиг обнародовать,
Я только жизнь свою хочу
В гвардейской схватке израсходовать.

Враги зарылись под огнем,
И нуледа, промятые, дятель ми —
Земля на тщи верст кривою
Попа советскими гвардейцами!

Споют о нас в краю родном,
И, моет, строчка в песне является
И обо мне, как об одном,
Из двадцати восьми панфиловцев.

Я в полный рост шагал сизово дым,
Но встал ни разу на колени и —
Так передай друзьям своим
И остальному поколению.

Поздравь его с победой скорою...
Поздравь его с победой скорою...

Так гвардия идет вперед,
Так продолжается История!

ЯНВАРЬ 1942

НЕ ЗАБУДЕМ!





«О фотографии «Горе» известнейший западногерманский писатель Генрих Велль писал: «Женщинам, размыкающим своих близких среди мертвых на поле боя, их плач уже не индивидуален, это плач человечества».

Писатель ошибся. Это не было поле боя, фотография являлась документальным свидетельством зверской расправы фашистов над мирными населенными.

2 января 1942 года части Красной Армии освободили Курск от гитлеровских захватчиков. Перед нами предстала страшная, не поддающаяся описанию картина. На окраине города находился прогоняемый рог, заполненный трупами людей, расстрелянными фашистами. Самые свои трупы расстрелянных.

Это было поле ужаса. И сейчас, мне кажется, я слышу крики и причитания женщин, склонившихся над мертвыми мужьями и отцами. Вижу стариков, женщин, сидящих в предсмертных объятиях своих детей. Дети, трясущиеся дети, и их не покидали вояки... А рог все раскаивали и раскаивали...

Погрессеце, которое я тогда считал, было настолько сильным, что, напечатано только одну фотографию, и она стала всенародно известной и больше к ней не прикасались, считая самой дорогой своей сняткой.

В прошлом году на фотомыстке в Риме посетители, побродив рассматривающие фотографию «Горе», допытывались в меня:

— Почему вы не показываете все фотографии? Ведь она лучше всяких слов рассказывает молодёжи об ужасах войны и фашизма.

Они были правы. Вернувшись в Москву, я напечатал все курские фотографии. Они перед вами. Они и сейчас близки к молодежи.



БЕЛАЯ ОСЕТЬ

На вопросы «Смены» отвечает генерал-полковник Сергей Саввич БЕЛЬЧЕНКО, бывший заместитель начальника Центрального штаба партизанского движения



— Где и когда на территории СССР начал действовать первый партизанский отряд? Кто был в его рядах!

— Первый отряд сформировали 22—26 июня 1941 года на территории Белоруссии в городе Пинске. Его возглавил бывший партизан гражданской войны, бывший боец интернациональной бригады в Испании В. З. Корж. Состав отряда составляли партийные, советские и комсомольские работники. Среди них была и верная дочь белорусского народа комсомолка Вера Хорушая.

Боевое крещение отряд получил на подступах к Пинску. Пожизненно в него вошли бойцы Красной Армии — те, кто вырвался из окружения.

— Какую специальную подготовку проходили партизаны? Кто руководил их действиями в центре и на местах!

— Первые партизанские отряды целиком полагались на свое умение и опыт: не было времени учить этому искусству. Позже создали целую сеть специальных школ, где готовили радистов, разведчиков, подрывников...

Действиями отрядов на местах руководили подпольные партийные группы. Учитывая нарастающий подъем освободительной борьбы советских людей в захваченных врагом районах СССР, ЦК ВКП (б) решил централизовать руководство партизанским движением. 30 мая 1942 года Государственный Комитет Обороны образовал при Ставке Верховного Главнокомандования Центральный штаб партизанского движения.

Его начальником назначили первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко. Центральному штабу подчинились республиканские, фронтовые и областные штабы партизанского движения, а фронтовым штабам — оперативные группы при армиях.

— А где партизаны доставляли оружие и продовольствие? Как они поддерживали связь с регулярными частями Красной Армии и Центральным штабом!

— У партизан был девиз: «Есть врага его оружием». На горных порках все, кто шел в отряд, обязаны были иметь финку, охотничье ружье, винтовку — свою или добытую у немцев. Лишь в тех отрядах, которые формировались на свободной от врага территории, были ручные пулеметы, винтовки, пистолеты, гранаты советских образцов. Много оружия попадало в руки партизан с недавних полей сражения — трофейного и своего. Буквально под носом фашистов подостриги собирали патроны, гранаты, пистолеты, винтовки, а иногда и пулеметы, прятали оружие, а затем тайком передавали его партизанам. Герой Советского Союза Володя Курленко, пионеры Жора Никитин, Женя Андреев, Вася Плеканов... Многие из ребят стали позднее замечательными партизанскими разведчиками, диверсантами, но все они начинали свою работу со сбора оружия.

После создания единого центра партизанского движения в леса были отправлены сотни самолетов с оружием и боеприпасами. Только с июля 1942 года Западный

штаб партизанского движения переправил партизанам Смоленщины 7 685 винтовок и автоматов, 266 протитанковых ружей, 45 тысяч гранат, 47 тысяч килограммов тола, 6 миллионов 550 тысяч патронов, 17 тысяч пар обмундирования и 145 тонн продовольствия. К осени 1942 года все партизанские отряды Смоленщины имели в центре радиосвязь.

Но вы правы, не единым боеприпасами и оружием жили партизаны. Продовольствие, теплая, сухая одежда — залог хорошего дела. Здесь Центральному штабу помогало все население оккупированных территорий. В деревнях, в селах, в городах готовили тайники с продовольствием и одеждой для партизан.

— Сергей Саввич, было ли у партизан самодельное оружие!

— Целью мастерские работали в партизанских отрядах: делали самодельно, искали средства и способы борьбы с танками, самолетами. Особенно дождались партизан самодельные. Зениток, естественно, у них не было. Что делать! В земляно на удобном месте вставляли столб. На него надевали колесо от телеги, к которому прочно привязывали пулемет или противотанковое ружье. Получа-

лось что-то вроде самолетной подвижной турели — стрелять можно было во все стороны... — Чем опыт и знания особенно пригодились организаторам и руководителям партизанского движения!

— Вспомните войну 1812 года, гражданскую... Сандеялства тех лет донесли до нас стратегию и тактику партизанской войны, наиболее результативные приемы и способы такой борьбы.

— Были в партизанских отрядах, соединениях тяжелые орудия, танки или самолеты!

— К весне 1942 года партизаны овладели знаменитыми Брискими лесами. Их площади — это целое европейское государство вроде Финляндии. Естественно, что нашлось здесь место и для аэродромов. Командование партизанскими соединениями в этом районе имело три самолета «Ю-2», 81 орудие разного калибра (в том числе и тяжелые), 21 бронемашину, танки, 136 минометов. Были тяжелые орудия и в небольших отрядах, но очень часто такие пушки просто мешали действиям — нужно было все время их тащить за собой, прятать...

— Назовите, пожалуйста, районы, где действовали партизаны, по ва-

Они были слишком молоды, чтобы служить в резервных частях Красной Армии. Зато в партизанских отрядах никто лучше их не мог пробраться в логово врага, заложить мину.

Очередной многокилометровый переход... Короткий привал — и новый дерзкий налет на врага. Таковы партизанские будни.



2. «Смена» № 9.

шеку именно, были наиболее успешными, значительными. Где партизаны не могли действовать? Почему!

Партизаны особенно любили лес — он прятал, давал пищу... Белорусия, Брянские леса, северные районы Украины, Ленинградская и Калининская области, лесистые склоны Крыма — здесь действовали основные партизанские силы.

Трудно приходилось тем, кто воевал в степных и малолесистых районах: карагли очень быстро отыскивали месторасположение таких отрядов, наши люди несли здесь особенно большие потери.

— Расскажите, пожалуйста, о роли комсомола в партизанском движении.

— В тылу немецко-фашистских захватчиков, но известно, действовало более 250 тысяч вооруженных партизан. Более половины из них были комсомольцы и

молодежь. Они же составляли иногда отдельные отряды.

В архив ЦК ВЛКСМ хранится схема боевого пути партизанского отряда имени героя-комсомольца Феликса Фельдмана, прославившегося бесстрашием и отвагой и погибшего в бою. Отряд был организован осенью 1941 года на территории Белоруссии. За два года своего существования комсомольцы уничтожили 3193 гитлеровца, 13 танков, 1 самолет, 18 паровозов, бронепоезд и 11 мостов. 125 партизан этого отряда были награждены боевыми орденами и медалями.

— Сколько стрел партизан-комсомольцев Героев Советского Союза!

— Десятою девять человек! Они получили это высокое звание за особенно особые партизанские задания: за разведку, диверсии, а также за участие в наиболее сложных операциях партизан.

— Товарищ генерал, как школьники и подростки участвовали в партизанских отрядах! Какие задания обычно им поручали!

— Чаще всего это были сироты: партизаны подбирали ребят в сожженных деревнях и селах, на дорогах, в заброшенных утробах. Единственным желанием мальчишек была мстять. Ребята, как правило, поручались разведка и диверсии — здесь они были поистине незаменимы.

— В партизанской борьбе, как известно, было немало своеобразных приемов...

— Главное оружие партизан — выжидательность. Именно выжидательность помогала успешно проводить все партизанские операции и томас скрываться от врага. Вот пример. Господи гитлеровские (руководитель гитлеровской администрации на оккупированной территории) сидят за столом, потягивают кофе, перебирают свои бумаги, время от времени поглядывают на улицу. Вдруг он слышит странный шум.

Возвращается дежурный, посланный узнать, что случилось. Он бледен, у него стучат зубы, и он только в состоянии повторять: «Юни здесь, они здесь!» Гейтбкомиссар вскакивает из-за стола, хватая автомат, но в этот момент дверь открывается, и в комнату валится несколько неспеша толпа людей. Некоторым одеты в форму немецких жандармов, даже с военными орденами, другие в форму эсэсовцев или в корешо шитые костюмы из подлинного оуна. Все-то в русской форме, а вышитых украинских рубашках.

Через полчаса три гейтбкомиссара уже раскидываются на тополое недалеко от коммандуры, а повалившиеся так внезапно люди радуют населению продукты, отобранные немцами. Еще через полчаса немецкий отряд мотоциклистов застает в отряде полное спокойствие. Все тихо. Как будто ничего не случилось, только повешенный гейтбкомиссар да перебит горизонт...

— Сергей Савич, какую из партизанских боевых операций вы считаете наиболее значительной!

— «Рельсовую войну» — специальную партизанскую войну, которая началась, по приказу Центрального штаба в ночь на 3 августа 1943 года. «Рельсовая война» — это действия сотен отрядов и бригад на железных дорогах, занятых фашистами. В ту ночь партизаны нанесли массовый удар по десяткам линий. На воз-

дух взлетали мосты, семафоры, водожитки, станции. «Рельсовая война» длилась до глубокой осени 1943 года, ее результаты парализовали передачу фашистских войск на многие участки фронта, принесли неоспоримую помощь регулярным частям Красной Армии.

— Партизаны уничтожили немало фашистских главари... Какую из подобных акций вы считаете наиболее удачной, хорошо подготовленной!

— Приговор народа генеральному комиссару Белоруссии гитляйтеру Вильгельму Кубе — особо досмеренной, Гитляйер. Операцию осуществлял Е. Г. Мазаник, ей помогал М. Б. Осипова, И. Б. Троица.

— Как это было, Сергей Савич!

— Е. Мазаник по заданию подпольной партийной организации проникла в логово фашистского наместника и стала работать там горничной. Она и подожгла в постель Кубе мину замедленного действия... Это подвиг белорусских партизан показан в известном фильме «Часы остановились в полночь».

— Партизанская разведка... Кому поручали подобные задания! Расскажите, пожалуйста, о маконнуду важном из них.

— Обычно партизаны старались выдирать свою разведку во все службы оккупационной администрации. Многие старосты выполняли задания партизан. Были свои люди и среди полицеев. Великолюпо работали женщины. Они проносили в тыл письма, которые не снились лучшим кадровым разведчикам.

— Вы спрашиваете, что существенного сделала партизанская разведка. С 20 мая по 3 июня 1943 года Брянские партизаны вели ожесточенные бои. Их разведки нам удалось убить генерал-лейтенанта Барнема — командующего карательной экспедицией. В разбитой машине разведчики нашли портфель с секретными документами генерального штаба гитлеровской армии — они касались предстоящих операций на Центральном, Брянском и Западном фронтах... Но особенно плодотворно действовала партизанская разведка в тот период, когда готовилась операция наших войск в районе Курской дуги. Партизаны помогли нашему командованию заранее узнать планы врага.

— Самые тяжелые дни в жизни Центрального штаба партизанского движения!

— Известно о гибели замечательных партизанских командиров: К. С. Заслонова, С. В. Рудева.

— А самая радостная!

— Конечно, День победы...

— Какое из соединений, какой из отрядов последние закончили боевые действия? Где это произошло!

— Партизанские отряды шли вперед отступавших немцев по всем направлениям. Наши люди воевали в Польше, Халхославии, в Югославии, в Австрии. Кто из них последний закончил войну! Трудно сказать. Отрядов было так много... Хот лишь сообщить, что это были белорусские и украинские партизаны, а также отряды чехословацких, венгерских, польских, югославских партизан — они входили в наши соединения или же действовали самостоятельно.



НА ПЯТЬ ТЫСЯЧ

На вопросы корреспондента «Смены» Леонида Плешакова отвечает министр внешней торговли СССР, первый секретарь Челябинского обкома партии в годы войны Николай Семенович ПАТОЛИЧЕВ



Южный Урал. Объяснили: там сейчас очень важный участок, нужно наращивать военно-экономический потенциал. Гридчатого декабря я вылетел к новому месту работы: в тыл для смены мотора летел выдавший вид «дуглас». Это самолет мог летать только один. Первая попытка в Казани, вторая в Свердловске. Оттуда добирались на «У-2». Впереди сидел летчик, садил в одностороннюю кабину атиснурил в со своим помощником. Мороз зверский. Ветер пронизывает до костей. Одно спасение — оазисный тулуп. А тут еще мотор откачал, пришлось возвращаться, менять машину... В общем, когда добрался до Челябинска, на аэродроме нас встречала машина «Скорой помощи»...

— Вы хорошо помните эти первые дни в Челябинске! Что прозвело самое большое впечатление!

— Самое большое! Поначалу показался он мне земным раем. В Ярославле чуть не каждый день — воздушные тревоги, бомбежки, пожары,

Года три назад я брал интервью у министра внешней торговли СССР Н. С. Патолочева. Разговор шел о торговом обороте и взаимовыгодных сделках Советского Союза с другими странами. Сейчас я уж не помню, как получилось, что мы заговорили тогда о военных годах, и я спросил Николая Семеновича:

— Вы были на фронте!

— Нет. Вся война в тылу. — И ни разу не выезжали на фронт, хотя бы с тыловой делегацией! — удивился я.

— Ни разу, — ответил он.

Видно, что-то в моем вопросе задело министра, и он сам уже спросил:

— А вы думаете, возглавлять во время войны Челябинский обком партии было легче, чем воевать? Тогда передовая проходила вкось. Даже в самом глубоком тылу. А в Челябинске тем более: мы строили танки...

Действительно, подумая я, почему мы, вспоминая войну, чаще говорим о подвигах солдата на фронте, чем о героическом труде в тылу. Ведь те, кто прошел с бозим всю Отечественную войну до звонка, оставили на своих рабочих местах заместителей: жену, сына, дочь, отца, мать, брата...

Фронт выиграл войну. Тыл отковал эту победу. Есть в той победе и доля Южного Урала.

И вот в канун двадцатой годовщины Победы я снова встретился с Николаем Семеновичем. И разговор наш — о военном времени в тылу, о тех, кто трудом своим обеспечил разгром фашистской Германии.

— Николай Семенович, война длилась почти четыре года. Что вам больше всего запомнилось из этого времени!

— Сама война, — отвечает он коротко.

— Но в ней были разные периоды, и между двадцать вторым июня сорок первого и девятым мая сорок пятого было столько событий, что один могли запомниться меньше, другие — больше. Некоторые — навсегда...

— Но все эти события были войной, — продолжает министр мою мысль. — И запомнились они все вместе, как одно целое — война.

— Где вы встретили ее начало!

— В Ярославле. Я работал тогда первым секретарем обкома партии. Часом в восемь утра двадцать второго июня мне позвонили из аппарата ЦК партии: фашистская Германия аэролонгом напала на нашу страну. А часа через два уже заседал областной партяктив. Обсуждали меры, которые должны были обеспечить работу всего хозяйства в условиях военного времени.

— В первые месяцы войны нам пришлось пережить на фронте ряд неудач. Это не могло не сказаться и на настроении в тылу.

— Конечно. Но было бы неверно говорить, что это было настроение подавленности и обреченности. С плохим настроением, без веры в победу нельзя было успешно бороться с врагом. Мы это понимали. И как ни было тяжело, духом не падали. Даже в самые тяжелые минуты.

— Затем вы направили в Челябинск!

— Да. Это было в конце сорок первого. Вызвали меня в ЦК, сказали, что направляют на

губить мирных жителей. А в Челябинске не было даже заминирования. Но скоро я понял, что ты сама настоящая партизанка.

Я приведу вам несколько цифр, потому что было очень трудно работать. Стали для страны в 1941 году из западных областей страны было эвакуировано 1 523 предприятия. Из них только в Челябинск и Челябинскую область было эвакуировано всего только ста тысяч из врага, главное, чтобы на новом месте они сразу же стали работать, давать продукцию фронту.

Некоторые заводы были в пути, а в нас уже работали мастера, которые должны были выпускать, требовали не только выполнять, но и перевыполнять план.

Завукованные заводы — это не только станки, но и всякие рабочие с их семьями. Людям нужно обеспечить жильем, детей — школами, детсадами, яслями. С фронта прибывали раненые. Нужно было найти помещения под госпитали. Мы должны были для этих детей, детей тыщ детей, потерявших на войне родителей, Урал становился для них вторым родным домом.

За годы войны объем промышленности вырос в Челябинске в десятки раз. В Челябинской области — на 374 процента. В Миассе, Златоусте, Копельске и других городах были созданы новые отрасли производства. Все эти заводы и фабрики строили электромонтажи. Даже сейчас вся наша экономика все не могла покрыть дефицита. Стелли строить новые электростанции и шахты, которые добывали бы для них уголь. Расширили рудники, возводили новые домы и маршты, чтобы получить больше металла...

— И как же справлялись со всем этим!
— Превращать себя, справлялись. А как — даже сейчас трудно понять. Иногд вспоминаю те годы, и кажется, что много из сделанного тогда практически осуществить невозможно. Но ведь надо: делали и невозможное и многое сверх него.

До войны в Мариуполе работав единственный в стране стан по прокатке брони. Решение о его эвакуации в Магнитогорск было принято на десятке дней войны. Требовалось срочно сделать шахты, чтобы пустить его на новом месте. Страну вырвали магнитогорцы, организовавшие добычу броневых листов на Блиновке.

В течение полугода в течение месяца область приняла сотни тысяч эвакуированных. Как разместить, они уступали чаше своих интересов, сознательно отказываясь от неудобств, и восторженной была работа.

А чем кормить население! Колхозы и совхозы области не могли один справиться с этим. Стали создавать на предприятиях подсобные хозяйства, рабочие выделывали землю под огородами. Все городские сады, скверы были засажены картошкой.

Труднее всего было с производством. Приходилось идти на невероятные решения. Перед войной в Челябинске выступил театр оперы и балета. Но открыть его не успели. «Поселился в нем московский завод «Кайбиер. Приехали, бывало, — фантастическая картина: на сцене — рабочие, колонки цирка, в партере — кузница, двое станки гудят. И первопроходец этот «театр» своей план, несмотря ни на что.

Вспомню о новом политехническом институте приспосаблив под него завод.

Под воспоминание... Пятилетка достает из письменного стола маленькую записную книжку в красном переплете: — Я пользовался ею во время войны для самых важных записей. Вот видите, колонка цифр? Это танки. Слева — план, справа, в кружочке, — фактическое производство. Видите: январь, февраль, март — число танков растет. И вместе с традиционными танками появляются тяжелые «ИС». Цифры, освободенные кружочками, всегда превышают цифры плана. «ИС» сначала считали на штыки, потом стали строить десятками в месяц.

Танково дались нам эти танки, — вздохнул Николай Семенович. — Развернули их производство на базе тракторного. Приехали и нам еще Кировский и Ленинградский, делавший из паровых «Красный пролетарий» из Москвы. Четыре завода собрались под одной крышей. Четыре коллектива, намедни со своими традициями. Нужно было учиться в одну минуту, чтобы было налажено совершенно новое производство.

— Рассказано, как строился работа обкома партии во время войны.
— Но ведь в течение года было несбыточ, так как мы подмывали и в распорядку Ставки Вер-

ховитого Главнокомандования. Там работали до пяти утра, у нас — при поисковой разнице в два часа — до семи. С восьми до двух дни отдыхали и снова брался за дело.

Вспомню, как было оперативно решать самые различные вопросы. Поэтому за каждой отраслью хозяйства был закреплен секретарь обкома партии, который хорошо знал эту отрасль и мог оперативно выработать решение. Иногд мы даже не имели иных решения. Было у нас 25 секретарей обкома. Вторым секретарем обкома партии был у нас Левя Баранов. Алюможе меня года на два, три года, а потом еще два года — человеком...

Сколько вам самому тогда было!
— Тридцать три... Так вот, назначили Баранова парторгом ЦК на танковом заводе. Самый лучший участок, делал и проектировал на заводе. Иногд в Ленин, вот мы находим конвейера. Сюда приходят первые узлы будущего танка. Стужи они будут двигаться по конвейеру, обрабатывать деталими, пока, наконец, готовый танк не выедет по двор. И ты свои должок не отводи от конвейера, проделавше вместе со строящиеся машины весь ее путь. А когда раза два выведешь на танке во двор, тебе будет приятно, как человек, все сделав, где ты стоишь.

Баранов быстро разобрался с производством и очень хорошо работал. В Магнитогорске нечелю стрелку шестую дому. Объявил эту стройку комсомольско-молодежники, и Сергей Колесников, секретарь обкома комсомола, возглавлял штаб стройки. Дневал и ночевал там. Доволя да чужим досрочно.

Конечно, все заднее, потому что каждый рабочий, каждый колхозник, каждый житель области делал все от него зависящее, чтоб приблизить победу над врагом.

Министр задумался. А потом продолжал: — А как работало людей! Помню, пришел приказ: наладить выпуск тяжелых танков. Срок установлен невыполнимый: кажется, пятнадцать дней. А уже в первую машину сошла с конвейера через 34 дня.

Я хранил подшивку газеты «Челябинский рабочий» за те годы. Объявил читать пометившееся во времени страницы. Сводил с фронта, информации из тыла. Я смотрю на фотографии рабочих, опубликованные в газете. Читая подлин под имен, выписываю фамилии, имена, отчества.

«Подвал Владимира Тарасова. 1 500 процентов урожая за 18 часов 30 минут».

«Становится Н-ского завода Клавдия Семенова на танковом заводе. В течение месяца дочерью Шуры. Мать выполняет норму в среднем на 400 процентов. После ее ухода станок занимает дочь, работающая на уровне 450—500 процентов выполнения своего задания».

«Став на предьявную гвардейскую вату, плотники Морозов и Кутурев достигли невиданной на стройке производительности труда. Кутурев выполнил самое задание на 1 608 процентов, Морозов — 2 670 процентов».

Эти цифры кажутся фантастическими, — говорит Николай Семенович, — но так было. В стране не разрабатывали движение тысячников — они давали по десять тысяч в смену, и каждый рабочий старался не отставать от передовиков.

У танковых станков стояли совсем мальчишки. Чужие люди работали под станками, выходящими, подставляли. Начальники цехов жаловались: не дай бог, в чех залезут воробей — пацаны все бросают и давай гонять. И вот эти дети, которые бы вышли в салютные танки, играли, давали фронту снаряды, бомбы, гранаты. Не отдавали от взрослых.

— Николай Семенович, во время войны я был инженером, но там, где я самый распространяемым и наименьшим за все четыре года был лозунг: «Все для фронта, все для победы!»

— Это было даже не лозунг. Это была кличка чужих людей, работавших под станками, выходящими, подставляли. Начальники цехов жаловались: не дай бог, в чех залезут воробей — пацаны все бросают и давай гонять. И вот эти дети, которые бы вышли в салютные танки, играли, давали фронту снаряды, бомбы, гранаты. Не отдавали от взрослых.

— Николай Семенович, во время войны я был инженером, но там, где я самый распространяемым и наименьшим за все четыре года был лозунг: «Все для фронта, все для победы!»

— Это было даже не лозунг. Это была кличка чужих людей, работавших под станками, выходящими, подставляли. Начальники цехов жаловались: не дай бог, в чех залезут воробей — пацаны все бросают и давай гонять. И вот эти дети, которые бы вышли в салютные танки, играли, давали фронту снаряды, бомбы, гранаты. Не отдавали от взрослых.

погибли. Тыл отдавал рады победы своим кормильцам.

В те времена все было по карточкам и хлеб, и сахар, и одежда, и нитки, и табак. И все эти люди устроены были в свое государство рационально, чтобы послать послынку на фронт совершенно незаметноому войну. Самми было голубое, а слави. Самми холодади, ходили погулять, но не было ни одного студента. Школьники, телеграмки. В каждом доме ствари узлы варежки и носки для чужих сынов, в костюмерных мастерских Челябинского драмтеатра шили для краснотельных солдат. Швейцарские цехи вышивали для фронтовиков носы, а мальчишки добывали каким-то способом махорку. И в окопах эти незатейливые подарки были так нужны, что их берегли, как сокровища. Школьники, партоны, пушки, танки. Они напомним нам каждый раз о доме, о том, что их помнят, ждут с победой.

В феврале 1943 года Челябинский, Свердловский и Пермский обкомы партии обратились в ЦК с просьбой сформировать за счет внутренних ресурсов трех областей добровольческий танковый корпус. Мы объявляли отобрать в корпус не только самых беззаветных патриотов Родины, но и полностью вооружить их лучшей военной техникой, танками, самолетами, орудиями, минометами, боеприпасами, выпущенными сверх производственных программ на личные средства жителей этих областей.

В первую же неделю в Челябинске семь тысяч добровольцев подали заявления с просьбой зачислиться в состав корпуса. В Магнитогорске — четыре тысячи, в Златоусте — три. Среди линейные трудящиеся отдавали колхозники и металлурги Магнитки, танкостроители и артисты Малого театра, который был эвакуирован в Челябинск. На эти деньги было произведено все: от моточного танка до последней пуговицы.

Деятого мая 1943 году мы провозили Уральский добровольческий танковый корпус на фронт. На митинг в Челябинск приехало 45 тысяч представителей Южного Урала. Мы вручили танкистам знаки трудящихся Урала. Был в том наезде и танкист слова.

«В этом оружии — наши заветы и горячие души о светлом часе нашей Победы. В нем наша твердая, как Ураль-камень, воля: сокрушить и истребить фашистского зверя, который встал у нас на пути с собой нашу волю, это наш наказ...» Корпус хорошо вошел и уже в октябре стал гвардейским...

А комсомольцы на свои деньги построили танковый колонну, потом — подводную лодку «Челябинский комсомолец», подобрали хороший экипаж. Прославился этот корабль своими подвигами на Севере.

— Сейчас построена новая, современная лодка, которая тоже носит это имя, и на нее посланы служить только парни из Челябинской области. Так что боевые традиции Урала не забываются...

— Дети должны быть достойны своих отцов... В сорок летом каждый чувствовал: война кончилась. Но в тылу были камен-то все приметы Победы.

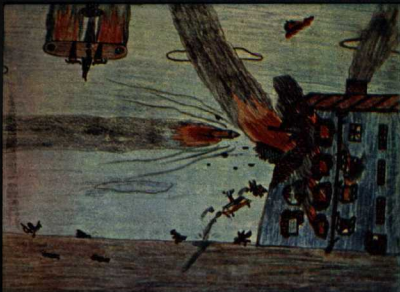
— Были. Стал тыловики под конец войны забывать. Конечно, и военную программу мы выполняли. Но в тылу уже нужно было создавать условия освобожденным от оккупации областям, но все-таки не было того напряжения, что раньше. Чувствовалось: скоро Победа.

— Вы помните, как дома в начале войны? — Конечно. В тот день я вернулся домой под утро, случайно (наверное, в первый раз за всю войну) прежде, чем отдохнуть, включил радио. Слышу: Ленинград, Германия капитулировала. Бросился сразу в обком. Вместе собрался там все работники обкома, горкома, с заводов люди уда. Поздравляем друг друга. Обнимаемся. Плачем от радости. Иногд вспоминаю, как в этот момент я увидел, как плачет весь город. Как и в трудовое время, в день великой радости мы были счастливы. Это незабываемо.

— Пятилетку, когда вы еще раз вспоминаю, как все это было, — спросил.

— Мне рассказывали, что в тот день с конвейера Челябинского танкового содела очередная боевая машина и рабочие завода все ждали: гордость ревнели, чтобы увидеть на постройке свой продукт. Как палатин: последний танк военного времени.

И во многих других городах челябинских танки стояли на постаменте. У нас и за границей. Эти танки освобождали их от фашистов...



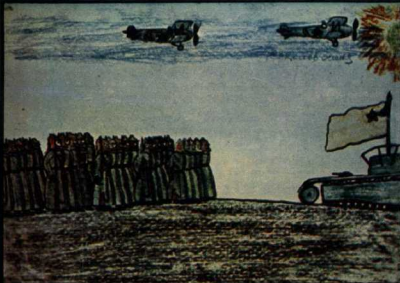
Прямое попадание в дом.

Лорик Федосеев.



Благда прорвана!

Ангела Кручинина, 7 лет.



Хочу быть танкистом и идти впереди пехоты.

Женя Соколов, 10 лет.



Разведчики взрывают проволочные заграждения.

Люся К., 7 лет.

Так бывало не раз. Еще идет бой, еще грохочут пуш-ки и не смолкло победное русское «Ура!», а у Бруст-вера окопа, только что отведенного у врага, притронулся пелитработник с карандашом и бумагой. Он торопился выпустить листочку о тайно-мо что совершенном подвиге. И доматил на листок с призывом «Передать по цели» по-военному точно, ские фразы: «...Гвардейцы подразделения гвардии лейтенанта Луцеского успешно выполнили боевое задание — захватили траншею под танками. Первыми ворвались в траншею командиры отделе-ния гвардии рядовой Рыбалко М. В., гвардии рядовые Долгу-нов И. Ф., Лунев И. А., Павленко Т. Ф. Опомнившись, проти-вник перешел в контратаку, но гвардейцам не дрогнули и успешно отразили натиск. Гвардейцы! Берите пример с этих героев!»

Я привел подлинный текст одной из сохранившихся в моем архиве листовок. Текст сейчас можно прочитать с трудом, бумага пожелтела, но сила листовки не убавилась. И ныне все эти листовки, листки, плакаты, выпущавшиеся по горячим следам сражений, похожи не на архивные документы, а на боевое оружие.

Оперативности политработников, военных журналистов из дивизионных и армейских газет и тем более ротных агитаторов можно только позавидовать. В труднейших условиях они умудрялись выпускать не только короткие, в несколько фраз, сообщения о боевых успехах войсков, но и красочные плакаты, проиллюстрированные фотоснимками и рисунками. Они знали, что несут слова большевистской правды, сплачивают и подни-мают воинов на героическую борьбу. Они знали, что их труд нужен и важен тысячам бойцов, стравившихся посерьезе уми-о делех своих друзей, товарищей, однопольчан.

Сейчас эти листочки стали реликвиями. Но временами, когда я вновь и вновь перебираю их, вспоминая минувшие годы, мне кажется, что они, эти безмовные листки, чутьно прищмыкаются и дышано времени: не позовет ли их снова в атаку сигнал боевой тревоги?

Венканин ШУТОЙ,
гвардии майор в отставке,
кандидат исторических наук





Во время войны писатели стали создавать. Читатели их полюбились. Говорят, смертью храбрых. А те, что вернулись после Победы, рассказали современникам и потомкам о героизме и мужестве товарищей по оружию. Для известного поэта Алексея Недогонова война стала главной темой его творчества.

В 1934 году, когда Алексей Недогонов еще не был связан ни с армией, ни с военной печатью, он сказал в стихотворении «Моя родословная»:

Что от родословной я приму?
Что для светлой радости приму?
Я приму
лишь только цвет крови,
только силу,
только звенящий мир.
Ты меня на битву позови —
это будет вечно для меня.

Поэтов называют провидцами. Если это

пришло, то Алексей Недогонов прожил свою судьбу: он стал солдатом, а затем прошел две войны, а свою последнюю «мирную» поэму — «Флаг над сельсоветом» — написал о солдате, вернувшись с фронта.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится фронтовая дневник А. Недогонова. Он описывает первую войну, участие в боях наших войск под Сталинградом. Закончен в феврале 1943 года.

Дневник писателя не для того, чтобы потешить эстетов, какими поэтом и человеком был Недогонов. Просто человек и поэт старался запомнить все, что происходило с ним, все, что видела вокруг, все, что наблюдал, использовать в своем творчестве.

Это дневник эстетичен, без красноречия, без литературной «подочки» самого себя. Тем он и ценен.

«Наши раненый Иркут воровки не упрект»

18.12.42 г.

Из Кааха прибыла в Нижний Момон. Узнала, что в армию приехали московские журналисты, в числе которых Алена Сурков. Встретилась с ними завтра, если считать, что москвички появились в Момоне 18.12.42 г. Прибыл с передовой. Алена села в избушке за редактором Соколовым Н. И. и Миндрутиным А. А. — секретером редакции. Рассказывала, вспоминала Москву... На следующее утро мы с ним спали на печи, расстались, не простившись.

К Дону подождали танки.

19.12.42 г.

Всю ночь перед наступлением пробыв на КПЕ (командном пункте батальона — Ред.), 8.00 — агробатровка, играет «Катюша», 9.30 — начало атаки. Комбат Харитонов у тел(ефоно)ного аппарата. Рядом вьются птицы. Батальон только на 3-й раз просочился к трескочному заграждению. Обстрел командного пункта. Равен комбат и его адъютант — Иван Романенко. Боя не покинули. Я тоже малость пострадала — воля от разорвавшейся мины сорвала шапку и из-за пояса вырвала перчатки. Пришлось воспользоваться шапкой мертвого...

Первые партии пленных итальянцев. Так было утром 16 декабря 1942 г. в первые часы наступления.

Высота 181,4.

20.12.42 г.

Дорога войны. На дорогах и по ее обочинам, в заснеженных долинах — остатки орудий, створенных танков с черными крестами, как аллигаторы, «финты» с пробитыми радиаторами и разорванными внутренностями. Темные длинные трубы зениток. Село Гальчице. Немец бомбит маршрутные дороги, мосты, переправы, колонны автомашин. Охраняя села: первые признаки бегства — куча открыток и писем с похерками неадекватными, слепящими, ржавыми. Аграрские хаты. Трупный запах. Колхозники, выходящие из тюрем-землянок. Здесь, в Гальчице, я вновь встретила Суркова. Закусила трофейными галетами и выпила(отдела) 4 корп (сул) Гальчирина.

Крупные партии пленных итальянцев... Выехал с ассистентом кинооператора Епурина И.А. Грачевым в (село) Тьердохлебовку.

21.12.42 г.

В змьнках сумерках палая. Горит церковь. Немцы доожгли склады. Утром у нацполит(отдела) Гальчирина встреча Ал. Башкирова, бывшего(его) секретаря) ВЛКСМ при Союзе сов (етский) писатель.

— Друг московский!

Заботались и веронечевали в пустой хатенке. Он — спецкор(еспондент) «Комсом(ольской) правды».

22.12.42 г.

Колесниковка, Федоровка, Зайцева, Гармашевка. Вторая бомбежка с воздуха. Наша машина — в гуще батальона, выправляющаяся на передовую. Жегрт нет. Групповые замы. Невзможность. Остановилась на полмса под Гармашевкой.

23.12.42 г.

Остановилась у стуршки. В этом доме были раненые бойцы из 517 стр(елкового) полка. По-звонилась с москвичом. [Заметка «Погоня»]. (Здесь А. Недогонов указывает названия заметок, которые он по материалам различных встреч писал или предлагал написать для фронтовой печати — Ред.). Из чужаев. [Заметка «По колдовьям из миномета»]. Ночью — огромной силы взрыв. На аэродроме гудят упорные бом: ст. Бык, зарево во все небо. У стуршки обнаружил документы сельмуляри (староста Мотриши). Заинтересовала документы о конфискации итальянцами в немецких колхозного скота. Все это оформилось документально.

На следующее утро двинула я на Богучар. По дороге оставили машину. Весел русских, освобожденных из плена, и двух молодых финцев. Взвали в плен под Быком. Сопалики. Один из Шреттина, другой — из Оберхуазена. Кивнулись, божасть, что они не кто-нибудь, а парбайтер(а) (работче — Ред.). Наши пленные освобождены в р-не Кантемировка (концлагерь до 8 000 чел.). Доехала до Тьердохлебовки, узнала у нацполита Т. Зайцева, что наши действительно в г. Бесучаре. Присутствовала на первом колхозном собрании. Жители жаловались, что 80% всех проживающих в Тьердохлебовке болны гриппом, что немцы не имеют медикаментов для лечения этой болезни.

В одной хате видел «художество» немчика: любовные его истории в России; на стене рисунки.

Утром выехал в дорогу. Там, Тюрочка, Радченское. Богучар. К вечеру допелась. Усталя, голодный. До 50 километров совершил в этот день. Условия в Богучаре были так себе. 5 дней до издательского печатным не выходила газета. В этом городе встретила Андова, Суркова, Каашиниковка, Сивалопова, Устинова. Здесь Алена Сурков читала свою прозу, которую мы позже читали в «Связькоже» (так обычно в архив называют газету «Красная звезда» — Ред.). Там мы встретили Новый год.

41.43 г.

Там и не вышла новгородный номер газеты. Пропади мои хорошие стихи «Тост вярбейцев» и фелетон «Кому элки, а кому палки». Прибыла в с. Алексеевское-Азовская. Устроилась в квартире хороших, добрых хозяев. Этот утокж чисто социали старые знакомы», а однажды в него

ввалился майор, страшно похожий на финна. Кубанка, пистолет, сабля до земли... И сватался к женщине из Калининской области. Увезти с собой обещал. Не получилось. Я сидела и дала уполка «Гвардейки смеются».

Из Шенгуховки едем с Голембиевским в командировку.

В ГСК под Ворошиноградом. Проезжаем Миллерово, Мамальчевскую. Доезжаем до Волошино. Дальше село Михайловка, Петропавловка, Передельск, Старый Айдар. Сместье. Остановились в Передельске. Хозяйка сказала мне о походе перед приходом немцев. «Примета плохая», — сказала она.

Перед сном бросил жребий — «шесть», «кровать».

На следующий день двинулись на село Сместье. Хотели дойти до Славянскосельска, но далеко было. За Старым Айдаром встретили санитаров на двух лошадей.

— Куда идёте?

— В Равску.

Решили поехать. Подъехали к Донцу. С горы через переправу направляются наши люди. Они бегут. Останавливаем. В чем дело? Оказывается, ползула передняя край.

— Куда идёте?

— В Равску!

А Равска была в то время в немецких руках. Наш полк трижды выпал немцев из села и трижды покидал его. В это время в 300 метрах от нас оставались (на том берегу) до 15 автомашин с немецкими автоматчиками. Фронт прыгали на снег и, расстрелявшись, поползли к переправе. Пришлось завернуть людей назад.

...Когда мы с Голембиевским дожидали об этом генерал-майору, он опередил нас сообщением, что все меры к ликвидации этого приняти и что прежние положения восстанавливаются.

На следующий день едем с инженерными саперами в село Желтое. Познакомился с артиллеристами. Был у комиссара — молодого и не сурового Горбина.

У разведчиков застал А. Голембиевского. Направилась вёздь в 44 ГСД. Посылаю в полкотделу у подполковника Т. Куропова. Подарила мне немецкий железный крест и итальянский (орден). Здесь я начала поэму «О тридцатые». Позвал из Передельска на Петропавловку, Михайловку.

В Сотнях остановились в просторной избе. Выписали продуктов. Я стал заниматься банно-лечебным. Хорошо закусили. Зенитчики дали более килограмма трофейных конфет. И чаю водосталь поимам. Вас Каминский, командир зенитного взвода, презентовал мне фотоаппарат.

На следующий день на попутной легкой машине отъезжал в радиусе 10 км и свернул в Новый Айдар, узнав предварительно, что редакция там. Шанс около 30 км. Дальновольски устал. Отлежал ноги. Вечером. Дошел до окрестий. Лег на снег. Трудно идти. Как-как у земли оторвал горячей водой ноги — легче стало. Пошел. А село это чуть поменьше Мамоны (Н. и В. Мамоны, 27 км). До этого у бойца в крайнем доме вёздь картин с надписью: «Батальон СС. Греция. Албания. Россия» — на руке, ножом.

Начало февраля (1943 г.)

Несколько дней в Новом Айдаре. Переезд в Лисичанск. Давно не видел Баукова. Там его встретил. Переписывал у него. Были соседи. Немецкие рано приходят (Кристиан) Арикс. Вымирали люди в этом городе. Шахты не работали, учреждения тоже. Запустение, шпидета, голод.

В Лисичанске немцы расстреляли более 400 чел(овек). Всех юношей вывезли в Германию. Всех девушек вывезли и в рабство отправили.

* * *

Мы завершая публикацию фронтовых записок статьи А. Нейманова, присланные в редакцию «Смена» с фронта...

Публикация Ратмира ТУМАНОВСКОГО



Фото Эммануэля ЕВЗЕРИХИНА

Бог войны — артиллерия. Твоей грозной голосе открывал каждое наступление, и не было врагу защитит от твоих огневых стрел...

К л я т в а

Нам кровня
Родина просторной
Любая слава. Все равно:
То камень сопи ль Заозерной,
Иль украинское зерно,
Иль городов родного Крыма,
Иль точенье горных рек...
Все это свято и хранимо
Железною клытвою наем!

Вставай, родное поколенье!
Ты вынесешь бон, сраженья.
Недаром в стуже и в огне

Прошли мы славное ирещенье
в суровок, северной войне!
Прочна земля вод синегом,
В нас жар сраженья не остыл.
И мы расправились с врагам:
Сердца надеваем,
Крепое тыл,
Грозна советская пехота!
Ее напор,
Ее намын,
Как сила русского народа,
Неустойчив,
Неудержим.

Она в поля ворвется клином,
И Арготет
Черным свастикой строй,
И между Рымом и Берлином
Повеет свежее зарей.

Клянемся —
Натиски наш немцов,
Клянемся —
С наван торжеством,
Клянемся —
Разгромим фашистов
И вытравим до одного!



ФЕВРАЛЬ 1943

Василий ГРОССМАН

ПО СТРАНИЦАМ
ВОЕННОЙ «СМЕНЫ»

МОСТ ОБОРОНЫ



Оборона Сталинграда длилась с 17 июля по 18 ноября 1942 года. Контрнаступление Красной Армии началось 19 ноября и завершилось окружением и разгромом 300-тысячной армии Паулюса. 2 февраля 1943 года окруженная группировка фашистских войск была ликвидирована.

Когда входил в блиндажи и подземные жилища командиров и бойцов, вновь охватывает страстное желание сохранить даже замечательные черты этого неслыханного быта. Эти светильники и печные трубы, сделанные из артиллерийских гильз; эти чашки из сварных головок, которые стоят на столах рядом с бокалом из хрустала; эту фарфоровую пепельницу с надписью «Жена, не сердись мужа» рядом с противотанковой гранатой; этот огромный матовый электрический шар в рабочем блиндаже командующего. И эту улыбку Чуйкова, говорящего: «Ну да, и джентри, мы ведь в городе живем». И этот тон Шенсирва в подземном кабинете генерала Гурова с помощником на странице очка в металлическом оправе; эту пачку фотографий в конверте с надписью «Паночка» на исчер-

ченной красным и синим карте; этот подземный кабинет генерала Крылова с добрым исленным столом, на котором шла всемогущая работа начальника штаба. Все эти самовары и патроны, голубые семейные сахарницы и круглые зеркала в деревянных рамках, висевшие на глиняных стенах подземелий. — весь этот быт, мирную утварь, вынесенную из огня горящих зданий, это внявно на командном пункте пулеметного батальона, на котором играли под рев германского наступления, и этот высокий, благородный стиль оттопленных, простоты и непосредственности людей, связанных узлами крови, памятью о наших, величайшими трудами и муками сталинградских боев, — трудно выразить этот стиль. Но когда командующий 62-й армией разговаривает со слезами и тисовой разговаривает с командующим, когда телефонист заходит к начальнику штаба проверить на слыши-

мость аппарат, когда командир дивизии отдает приказ врасплох, когда командир роты доглядывает командиру полка о ночном бое, — во всем, в каждом движении, в каждом слове и взгляде ощущается этот особый стиль высокого достоинства. Стиль, совмещающий в себе железную, беспощадную дисциплину, где по одному слову тысячи людей поднимались на смерть, и одновременно братство и равенство перед нарком всех сталинградцев — генералов и бойцов. Пусть эту черту, этот стиль не упустишь, кто будет писать историю Сталинградской битвы.

Не раз писалось о том, как создавалась великая сталинградская оборона, как дementировалась она. Это сила нашего человека, слава его мужеству, терпению, его способностям и самопожертвованию.

Среди многих условий, определивших успех

нашей обороны, следует на одно из почетных мест оставить умелое руководство 62-й армией. Командующий Чуйков, член Военного совета Гуров и начальник штаба Крылов были не только военными руководителями операций: они являлись и духовным стержнем Сталинградской битвы.

Не только ясная, спокойная военная мысль, не только бесстрашная воля и упорство нужным были для руководства 62-й армией — в это великое дело нужно было вложить все сердце, все душу, и суровые приказы в дни октября чести шли не только от разума, но и от сердца. И эти суровые, холодные приказы, продиктованные сердцем, как пламя, жгли людей, поднимали их на сверхчеловеческий подвиг, самопожертвования, ибо в те дни человеческих подвигов было мало для решения задач, стоявших перед бойцами 62-й армии.

Военный совет армии делил с бойцами все тяжести обороны. Военцы раз пережил командный пункт армии. В Сталинграде знают, что значит перепад КП. Это значит: попадание тонких бомб и прицельный огонь автоматчиков; сорок работников штаба погибали от минометного огня в блиндажах Военного совета. Был случай, когда командир Круглов докладывал в блиндаже командования и узнал, убитый попал тяжелым осколком. Была одна страшная ночь, когда тысячи тонн горючей нефти вырвались из подожженных немецкими снарядами хранилищ и с ревом устремились на блиндажи Военного совета. Плана поднималось на высоту восьмистот метров. Над городом, все пылая, шло море горючей нефти. Горела земля, огненные потоки стремительно свалились с крутого обрыва. Начальника штаба генерала Крылова, работавшего в своем блиндаже и лишь по странному жару заметившего, что кругом все пылает, в последнюю минуту сумели перетащить через огненный поток. Все noch Военный совет простоял на узкой кромке берега среди рвущего черной завесой дыма Командармский штаб дивизии Родионов послал к месту пожара бойцов. Они вернулись и доложили, что Военный совет ушел.

— На левый берег? — спросил их.

— Нет, — отвечали бойцы, — ближе к переднему краю!

Бывали дни, когда Военный совет находился ближе к противнику, чем командные пункты дивизий и даже полков. Об обстановке работы в спокойные дни можно судить по тому, что радиопредупреждения часто оказывались: тяжелые бомбы сотрাসали звуками в лапках, и радиосвязь нарушалась. Визажеры раскачивались так, словно находились в центре мощного землетрясения. Казалось, что могучие бревна крепления сгибаются, словно эластичные круты. Земля ходила волнами под ногами, кровати и столы прихлыпали прибывать к полу, как в каморках кораблей во время бури. Бывало, что посуда на столах раскачивалась на железной цепи от постоянной вибрации высокой частоты. Уши уже не воспринимали грохота: казалось, что две стальные ивы проносили в ушные раковины и мучительно давят на мозг.

В такой обстановке проходили дни, а ночью, когда стихала бомбежка, командиры (Уйков (име Маршал Советского Союза, — ред.), сила за картой, отдавал командирам дивизий приказы. Гуров (член Военного совета армии, погиб в 1943 году, — ред.) неоднократно появлялся, спокойный, дружелюбный, в диванках и полках: Крылов (име Маршал Советского Союза, — ред.) вел свою работу над картами, таблицами, планами, писал доклады, проверял тысячи цифр, думал. И все они поглядывали на часы и выдыхали: «Вот скоро и рассвет, и снова выстукаем».

Когда я спросил Чуйкова, что было самым тяжелым для него, он не задумываясь, ответил:

— Часы нарушения связи с войсками. Пред-

ставляет себе, былы дни, когда немцы обрывали всю проволочную связь с дивизиями; радио переставало работать от сотрясения звуками в лапках. Помощь офицера связан — убывает, помощь другого — убывает. Все трещит, грохочет, и нет связи. Представляет себе вот это ожидание ночи, когда можно будет наконец связаться с дивизиями? Но былы для меня ничто, го странней и мучительней этого чувства неизвестности.

Мы беседуем с командиром долгого декабрьского боя. Иногда Чуйков прислушивается и говорит: «Слышите: так, — и смеяс, добавляет: — Честное слово, скучно».

Он высокий человек с высоким, темным лицом, с курчавыми волосами, крупным горбатым носом, большими губами, большим голосом. Этот смт тульского крестьянина Чуйкова noteworthy: фамилия: генерала далеких крепей невесты Отечественной войны. Коздыто он был рабочим в швейной мастерской в Петрограде, шарбатывал мальновым звои. Десятидвадцатилетним юношей он командовал полком во время гражданской войны. С тех пор он военный.

Слушая его рассказ, я думал о том, что в этом человеке сочетались черты военного и романтика. Для него оборона Сталинграда не была одной лишь военной проблемой, пусть даже первоостепенного стратегического значения. Он переживал и опущал романтику войны, Коздыто он был поэтом и мрячную красоту ее, поэию смертной обороны, к которой он обзывался железным приказом командиров и красноармейцев. Для него эта битва за Сталинград была торжеством и величайшей славой русской войны. Когда черные силы немецкой авиации и танков, артиллерии и минометов, собранные войс Бокон, Тоттом и Хейдлером, появились всеи тяжестью на линии нашей обороны; когда в черном дыму тоную солнце и гранитный фундамент здания рассыпался мелким несом; когда от гула моторов танковых дивизий колебались подточенные стены здания и казалось, нет и не может быть иного живого в этом аду, — тогда из земли поднималась бесмертная русская невеста.

Чуйкову звонил по телефону:

— Пешеняки танки вышли на КП дивизии. Автоматчики отсечены нашей пехотой.

Чуйков встал трубку. Он знал: русская пехота, жетавшая из земли и претривавшая дорогу немцам автоматчикам, справиться с танками.

Да, здесь все силы германской техники были встречены русским солдатом-пехотинцем, и Чуйков, для которого это залитая кровью земля была дорожкой и прекрасней райских садов, говорил:

— Как? Пролить столько крови, подняться на такую высоту славы и отступить? Да никогда этого не будет!

Он учал командиров спокойному, трезвому отношению к противнику. «Не так страшен черт, как его малюют», — говорил он, хотя знал, что в непогоду иль немедий черт былы очень страшен. Он знал, что суровая красота и величие противника — «необходимейшее условие победы, и говорил: «Переоценивать силу противника вредно, недооценивать — опасно». Он говорил командирам о гордости русского военного, о том, что лучше офицер не снеси голову, чем поклониться перед строем немецкому снаряду. Он верил в русский военный зазор. Он был беспощаден к лазикам и трусам, суровейшим среди суровых.

Такой же верой в силу нашей пехоты жил генерал-майор Крылов. На этой вере основывал он свою сложную работу, свои расчеты, свои предвидения. Судьба положила ему жребий — быть от первого до последнего дня начальником штаба армии, защипавшей Одессу, затем начальником штаба героической армии, семь месяцев оборонявшей Севастополь, и, наконец, начальником штаба 62-й Сталинградской армии. Это спокойный, задумчивый человек, с раз-

решной, негромкой речью, мягкими движениями и мягкой улыбкой.

Суровую науку свою генерал Крылов поставил в огне пожаров и грохоте взрывов. Он практику себя методически работать, обдумывать сложные вопросы, размышлять над планами противника, разрабатывать и детализировать мероприятия, делать тактические указания, а в которых их один человек науки не мог бы и за минуту сосредоточить свои мысли.

В Сталинграде ему иногда казалось, что Севастопольская битва не кончилась, а продолжалась здесь, что грохот артиллерии на подступах к Одессе слался с ревом пинночек, навешенных на стальградские заволаки. В Одессе был лес из пятальдики километрах от города, в Севастополе он представлял в охранении, и Северный и Корсальский сторонам, а здесь он вошел в самый город — на площади и в переулки, во дворы и дома, в пеха заводов. И здесь стражники наконец были вынужены. Крылову казалось, что это победа не только Сталинградской армии, что это победа Одессы и Севастополя.

В чем была тактика противника во всех трех битвах за город? Немецкие в ихх стратегическом применении метод последовательного методического программирования нашей обороны, расщепления боевых порядков, уничтожения и подавления по частям в тех случаях, когда им удавалось расщепить эти боевые порядки. В этих ударах все главный расчет делался на силу мотора, на массированное применение концентрированной техники, на опломеление. В такой тактике с военной точки зрения не было ничего порочного; наоборот, это была правильная тактика, но в ней являлся один органический порок, неизбежа которого немцы не могли: диспропорция между силой могучего мотора и слабостью немецкой пехоты. И вот стальным вклином, вошедшим в эту брешь, была великолесно вооруженные русские стрелковые дивизии, оборонявшие Сталинград. Их стойкость, их бесмертная мужество. Эту силу Крылов в Сталинграде понал в Одессе, он измыслил ее возможность в Севастополе, и он стал свидетелем и участником ее торжества на берегу Гурья, в Сталинграде.

Вероятно, если через четверть века люди, командовавшие 62-й армией, встретятся с командирами Сталинградских дивизий, эта встреча будет встречей братьев. Старик обнимутся, крепко утрут слезы и начнут вспоминать о великих Сталинградских днях. Вспоминт Болыниев, погибшего в бою, которого нежно любил бойцы за то, что он до дня вышл в него горючку черт солдатской белы, Болыниев, который, обвязанный гранатами, подполно к боевому охранению и сказал своим бойцам: «Ничего, ребята, не подаетесь, держитесь». Вспоминт, как в Одессе, когда дивизия Родионова переманилась через Волгу в Сталинград, штаб армии соли в танки и подержала переруру. Вспоминт, как Гуртьева засмалло вместе со штабом в пещере и как друзья прополкали к нему кола. Вспоминт, как командир дивизии Батюк шел на доклад к командующему и крупнокалиберный германский снаряд упал ему под ноги, но не разорвался и как Батюк, покачал головой, зашагал докставак, заложил руку за борт шлема. Вспоминт, как генерал Гурьев звонил по телефону своему другу Жолудеву и говорил: «Крениси, дорогой, помощ ничем тебе не могу».

Вспоминт многое. Вспоминт, конечно, и то, как крепко знал Чуйков и как жарко было не только по дороге в блиндаж командующего, но и в самом его блиндаже. Многое вспоминт. Это будет торжественная, радостная встреча. Но будет и ней и большая печаль, ибо многое не придет на нее из тех, кого невозможно забыть, ибо все — и командиры и командиры дивизий — никогда не забудут великого и горького подвига русского солдата, большой кровью своей отстоявшего Отчизну.

1943 г.

ОСЕНЬ 1943



КУЗУБ Павел Степанович, год рождения — 1924, член ВЛКСМ, призван в Красную Армию Чернышковским районвоенкоматом Краснодарского края в июне 1942 года.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

При выполнении задачи 4.05.43 года в районе высоты 145,4 гвардии красноремейца КУЗУБ П. С. проявил себя храбрым и отважным разведчиком. Рискуя своей жизнью, подошел к ступенькам пулемету противника и забросал его гранатами. При выполнении операции 30.06.43 года, имевшей целью захват контрольного наблюдателя в районе юго-восточных скатов высоты 414,1, действовала в захватывающей группе, где также забросал гранатами противника гранатами, вынес непосредственно из траншеи тяжело раненого покомандова.

Представлен гвардии красноремейца КУЗУБА П. С. к награждению медалью «За отвагу».

Командир разведотряда гвардии старший лейтенант Орлов

обеспечил продвижение подразделения.

Достоин награждения орденом Отечественной Войны I степени.

Командир 106-й отдельной разведотряд гвардии старший лейтенант Чувев.

20 октября 1943 года.

Заключение Военного совета армии: достоин присвоения звания Героя Советского Союза с зачислением навечно в списки части.

Командующий 5-й гвардейской армией гвардии генерал-лейтенант Жаков.

член Военного совета генерал-майор Кривулин.

26 ноября 1943 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 года гвардии сержанту КУЗУБУ Павлу Степановичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Грамота передала на хранение отцу героя — Кузубу Степану Александровичу, проживающему в станице Петровской, Краснодарского края.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СУВОРОВСКИЙ ПЛАНК»

Район боя. 11 декабря. В части, в которой сложил разведчик Павел Кузуб, закрывший своим телом амбразуру вражеского дзота, проведены собрания и широкие беседы, посвященные памяти героя.

Беседы о подвиге сержанта Кузуба проводил среди молодого пополнения разведчики Владимир Бондарев и Павел Мельников. Они вместе с Кузубом штурмовали высоту и были очевидцами беспримерного подвига героя.

Павел Кузуб похоронен на высоте, за которую он дрался. Его боевые друзья назвали эту высоту именем Павла Кузуба.

ИЗ ЛИСТОЧКА ПОЛИТУРАВЛЕНИЯ 2-го Украинского фронта

ПАМЯТЬ О ГЕРОЕ БУДЕТ ЖИТЬ ВЕЧНО!

Наши воюжаки идут вперед, слава озаряет их красивые знамена.

Примерная доблесть и героизм — главная история этих воюющих дней — день освобождения нашей Родины. Безавестная любовь наших воинов к своему Отечеству, беспримерный подвиг, которым они совершили, выполняли священную воинскую

присягу, приближая час окончательной победы над врагом.

Среди блестящих звезд есть звезды сверхкоже. И среди доблестных подвигов есть подвиги не сравненного героизма. Большой смелостью надо обладать, чтобы хладнокровно идти на встречу опасности. Но каким мужеством должно плавать сердце воина, когда он бросается вперед, твердо зная, что идет на смерть! Какой силой любви к Родине и к народу должна быть наполнена душа такого героя!

Нет предела мужеству и самоотверженности наших солдат.

Только три месяца прошло с того дня, как нашу страну охватила волнующая весть об отваге бойца Александра Матросова. Собственным телом он закрыл амбразуру вражеского дзота и ценой своей жизни открыл путь наступающей роте.

В приказе было сказано: «В боях подвиг товарища МАТРОСОВА должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии».

Подвиг Александра Матросова повторил воином нашего фронта Павел Кузубов.

Гвардейцы наступали на высоту, занятую немцами. Ни одного куста, дерева, притока — все от крыто, все простреливаемо из тщательно замаскированных неприятельских дзотов.

Группа разведчиков продвигалась вперед пехотного подразделения, гранатами подавала немецкие огневые точки. Сержант-разведчик Павел Кузуб полз к высоте, стараясь спрятаться с землей. Высок он ни увидел в двух десятках метров от себя амбразуру дзота, из которой хлестнула пулеметная очередь.

Кузуб отступил от пояса гранату, прополз несколько метров, приподнялся и швырнул ее в дзот. Раздался взрыв. Ни мгновения пулеметных дзотов, ни отгласа же застреленных врагов. Советские пехотинцы залегли. Отважная завеса протрещала им путь.

Но время не ждал — боевой приказ должен был выполнен. Обернувшись к помощнику командира взвода, Павел Кузуб крикнул:

«Я его заставляю замолчать. Вы пройдите!»

Больше ничего не услышав в шуме боя ни помощник командира взвода, ни другие разведчики, не увидавши они, как быстро пополз в сторону сержант Кузуб. Сержант был уже рядом с амбразурой. Разведчики увидели, как Кузуб вскочил с земли и одним прыжком метнулся к амбразуре. Пулемет глухо рывкнул и умолк. Разведчики бросились вперед — один из них ворвался в дзот, другие кинулись к Павлу Кузубу. Герой был мертв.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РАССКАЗ О ГЕРОЕ-КОМСОМОЛЬЦЕ

ПЕТРОВСКОЕ СТАНЦИОНАРИТ

Так пап на поле боя сержант Павел Кузуб. Ценой своей жизни он завоевал победу наступающему подразделению. Великой своей самоотверженностью он достиг вечной славы.

Имя его не умрет. Слава его не померкнет. Он будет жить вечно. Герой-сержант не боится смерти. Он показал себя хранимом жизни и тем победил смерть.

Павел Кузуб не умер. Он идет как правдоподобный в строю своей роты. В наступлении солдаты видят перед собой беспримерный образ героя, рвущегося вперед, и идут за ним к победе.

Вечная слава верному сыну нашей великой Родины.

Да будет подвиг его примером воинской доблести и героизма для всех воинов нашего фронта!

ИЗ ПИСЬМА УЧИТЕЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 29 ИМЕНИ П. С. КУЗУБА СТАНЦИИ ПЕТРОВСКОЙ В. Ф. ДЕМЬАНКО

«Учился мы вместе с Павлом в 3, 4 и 5 классах средней школы станицы Петровской. Это был простой мальчик, просто одет: фуфайка, брюки хлопчатобумажные, простые сапоги для просто бойника. Книжки носил в портфеле за спиной. Волосы светлые, всегда хорошо стриженные. Не было привычек — учился обычно Советом в том классе, в котором мы с ним учились, размещались 7-а класс. Это хорошая светлая комната. Помню место, где он сидел».

Павел был веселым, быстрым в движениях и в труде. В классе не было ученика, который мог бы догнать его силы».

Жизнь Павла примерно в двух километрах от школы. В нештатную погоду Павел, идя в школу, брал с собой беспримерный фонарь, сделанный им самим, так как учился мы во вторую темноту и уроки заканчивались поздно.

..Петровскому приезжал студент Ростовского института. Он избрал темой своей дипломной работы — беготней героя Павла Кузуба. Но фотографии Павла не нашлось даже у родной матери (все потерялось во время оккупации). Тогда студент «сделал много эскизов с его отца и братьев, чтобы как можно точнее воспроизвести образ Павла».

Памятник Павлу Кузубу сейчас стоит в нашей станице у школы, где он учился».

Публикация В. ФЕДИМОВА

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

В бой с немецкими оккупантами в районе Курчаловска, Каровградской области, при наступлении на высоту 177,0 9 октября 1943 года гвардии сержант КУЗУБ П. С. первым достиг перевала, окопав убитого огнем из автомата и в рукопашной схватке 5 гитлеровцев.

Заметив, что продвижение подразделения препятствует ствольный пулеметный противника, ведущий фланкирующий огонь, гвардии сержант Кузуб П. С. решил вынести из строя эту огневую точку. В погоне за снайпером и автоматом он бросился грудью на дуло вражеского пулемета и своим телом заставил замолчать его.

Пожертвовав собой, т. Кузуб спас жизнь десяткам товарищей и



ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Олег ПАРЛОВ
РАССКАЗ

Герою Советского Союза
Павлу Григорьевичу ТИМШИНУ
посвящается

Паинуло корочкой. Поджаристой, румяной корочкой маминого капустного пирога. Так хорошо, душисто — аж голову кружит. Капустный пирог — это здорово! Капустный пирог — это праздник! Это значит, у кого-то в доме день рождения. Или октябрьские!

Все сядут за стол, накрытый белой скатертью, а посреди стола рядом с пузатым самоваром будет стоять пирог. Пышный, огромный, валяный. Самый главный на столе.

Надо встать, прыгнуть с лавы, ткнуться головой в мамин духмяный передник... Только подниматься так не хочется.

Санька делает «растущечки»: закидывает руки за голову и, прогнувшись спиной, сладко потягивается.

Попить бы сейчас. Из темной глубины колодца зачерпнуть воды — и пить, пить... Как жарко. Надо встать.

— Три-четыре! Приготовились. Начали! — командует себе Санька.

Ой-ей-ей! А день рождения-то сегодня его, Санькин. Сколько же ему лет? Пять... шесть... семь... десять... тринадцать... девятнадцать!

Девятнадцать!
Трах-та-та-тах — палит дровами лещ, раскопалась. Слезть, слезть, прыгнуть с каменных кирпичей. Ма-ма! Ма-ма-а!. Не дышитесь. Хватит дров, мама! Стреляет..

Красное и черное в глазах, красное и черное. Серое... светлое...

Размякнул веки.

Стреляет... Где?

К самому солнцу уходило поле. Бродили, как в танце, по полю, по солнцу огромные черные люди. Перекинулись. Погогатывали.

Сухой щелчок — выстрел. Крик. Стоп.

— Раненых бьют. Раненых! Вскинулся — покатился по полю колесом сонце. Красное и черное в глазах. Красное и черное, черное...

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

* * *

Речка Нюлинка, речка кисельная. Подкрамали кто-то воду. Течет лениво, всегда теплая. С головой нырнуть в Нюлинку. На самое дно — и пить, пить, пить, таящую воду.

В Нюлинке хорошо убит взброд. Что-то приятно шкочет платки, ступни. Стоят по броду в воде коровы. Пьют тепло, вкусно. Сбегают с грустных морд вода. Струйками, капелями.

Тихо. Все астыло. Нюлинка, берег, коровы, задумчиво разглядывающие свои страшники, поплавок... Хорошо. Тихо.

Трезвоно...

Ребята, ребята, как же! Почему тихо?

* * *

Почему тихо?

Завра вверх сошки, лежит на боку пулемет. И что-то раздражающе чужое, голубое и хрупкое, не соответствующее вовсе вороненому пулеметному телу мещает собираться с мыслями.

Вот он и радом — опрессованный взрывом набоб пулемет с задранной сошкой. Хрупкая струя висюлек жиденьким корешком зацепилась за сошку. Качаются голубые венчики у самой земли.

Илетые гильзы россыпью, желтая жорь. Кузнечики звенят отчаянно. Свещат заполнить ямму между боем, который был, и боем, который будет.

Маленький солдат потонул до пулемета. На телом, живом металле оставил темный след палача. Сбросил с сошки начиняющий подсыхать василек. Отдохнул. Сердцо посылавая, морща лицо, перевалился на бок. И еще отдохнул. Прел. Перевалил узким брончим ремешком руку по жалким локтям. Обнял. Закусил губу. Опять пришлось отдохнуть: рука забалезилась, разбалезная по телу, нашла себе укромные местечки, утихла. Разбалезало опять поле. Издали, блики, ядром...

Размазал пот по лицу. Сухим языком облизал суные губы. Поставил пулемет на сошки, переделав заповор. Порядок. Прислушался... Оглянулся...

— Ты не дрейфь, Саня. Ты ж именинник. Живой! Живой. Новорожденный. Патроны — сколько хочешь. Противотанковый — четыре штуки. Вот попить бы — и станет все как у бабуси в сказке. Все как у бабуси... И ползаю к крошке желтого пола на шкур моторов, голоса, тяжело дыша, ртом хватая горный воздух, упершись здоровой рукой в пулеметное тело. Пополз, оставая после себя во ржи узкий коридорчик. Примаत्या рожь, литая, тяжелая, вздрагивала, силится выпряться и не могла.

* * *

А у бабусиной сказке все и всегда было хорошо. Как бы ни плюхился в лубящий царь и его злой силы злоду, хвастышки Анка-вон, — все всегда было хорошо. Сказку свою бабушка всегда начинала парадным, а кончала одинаково. Хорошо. Помогичи, поднимет вверх брови, покатает ступоничим пальчиком и очень серьезно скажет: «То-то... то-то-то».

Не дрейфь, Саня. Все будет, как в бабусиной сказке... Вот они, черные червячки. Волос не огромные. Маленькие, сушьиные, крипильные. Враги. Разворачивают цепь к реке. Не меньше батальона. Четыре танка пофривироват, пошли перед лехотой. Значит, наши уцелились у берега. И перепрера наша. Не зря с ребятами прикрывали. Прикрыли... Ребят-то не, полетели... А эти вот живут, существуют, движутся. Идут. Убивают.

Не дождут. Починал в пролезе прицала долговящую фигуру на фланге, плавно повел совок.

Очередь, очередь, подрагивает пулемет, очередь. Залегла немецкая цепь. То-то.

Потом подкупились, снова пошла. Быстрее, суетней. И снова подрагивает пулемет. Цепь смешалась, легла. И пятнадцати метров не прошла. То-то.

И ребята свои, с пятачка на берегу, открыли стрельбу. Опять залегла врыжая цепь. И опять подкалывался, стараясь не оторваться от танков, и опять залегла, огрызлась беспорядочным огнем.

А маленький солдат смешался. Хрипло, обривисто, зло: не танки, ничего не понятия. Не видит. Не чуёт.

Он смелься, поше не пережатило, не свело кашала, переросшее горло, пока цепь опять не бросилась за приторнозвончим было танками.

Снова аккураторной строчкой прошил линию черных от пота, сгорбившихся...

...Когда цепь залегла в седьмой раз и снова оканывалась, солдат увидел, что те уже все поняли. Увидел, как развернулись и пошли к нему, и его телом полол танки.

* * *

И было четыре. Шли они широко, тупоносим клином, два впереди, два по сторонам сады, поймав поле и выйдя из пулеметов.

Промежичи клинья он слышал еще в детстве, в школе. Слышал, что Александр Невский назвал их сивнями и рязля. Еще подумалось, что он как-никак тоже Александр и что гранат у него всего четыре.

Поле, в солдат — маленький. Клип прошел мимо, оставаясь за собой тугой пыли и черную колею.

Пыль вполочилась за танками, не поспевала, останавливалась и танулась вверх рыжими клубами. Выше, выше. Выше солнца.

Клипы кинулись в охранку поля, расплывался, вытянулся в линию, развернулся веером, снова построился. Пошел ужимать поле в оборонном направлении. А наперез ему, оставив на крошке поля в колбасном пулемете, поплз, сжимая гранату, солдат. Пола недолго, Танки почти порывались с ним, и у ближнего было ясно видно и облезлая местами желто-зеленая краска и каждый до бисса полгорованный землей рож, и черные масляные пятна на последнем катке.

Шли, врычая бадами, срезая неслышными пулеметными очередями крошки. Обволочили пылью, грохотом, тямесью. Никогда еще маленький солдат не видел так близко, не чувствовал всем телом эту близость чужого, мощного, тулого.

Только думать об этом было некогда, потому что, выплывая свой маневр на краю поля, танки повернули обратно. И уже не шли — амались на него, а то, и другой, только что, до развернутой, был самым дальним, самым тямчим, с грохотом и язгом стремительно рож в сторону. Становилось больше, больше... И невозможно было поднять голову, отвести для замаха руку с гранатой, оторваться от дрожащей мелко земли.

Но именно в тот, единственный момент, когда пулеметные очереди стали лезть в рож, гдето позади, когда в общем рыве и лагзе стали угадываться отдаленные звуки, маленький солдат сделал все правильно и быстро, так, словно делал он это каждый день. Поднялся на колено и точно бросил гранату! — мелькнули трагичные хвосты стабилизатора.

Солдат упал. Почувствовал взрыв, почувствовал удар над смертью, над страхом. Сердце остановилось на мгновение и, словно испугавшись своей своей остановки, заколотило отчаянно в груди. Солдат боролся с ним, сдерживал — никак не мог сдержать! — и совсем не подготовился к тому, что с рывом, синяка рож, шло на него — прямо на него.

Танки успели развернуться и перестроились в новый, уже острый клип, который должен был сеичас, сию минуту протаранить, вдавить в землю, убить. А солдат успел только помалеть, что он такой большой, такой большой и заметный...

Но не заметный... Укрыла рожь. Прошла радом тем, которая тоже оказалась еще тяжелее. Обволочило пылью. Запахом горячего масла. Сладким ароматом выплоха.

Солдат застеснялся, рванул с пояса гранату и метнул вдогонку танку. Только успел соскочить с гранаты шпеленушка, как он прогнулся, как он упал от предвзятого оплошности своей, от обиды даже не допрыгав. Ощупил тугой и сильный удар в бок, увидел пламя...

Сморщился, согнулся, но не упал, а побежал. В полный рост, неуклюжими прыжками стал догонять танк, на ходу освобождая от пояса вторую гранату. И бежал пыльным облаком, пока не прогнулся, как граната, в корпус танка. Бросил гранату, зял — точно. Ласточкой, как в детстве, с кручи в Нюлинку, нырнул в спасительную воду. С бока на бок, с бока на бок, теряя сознание от боли, покатылся подальше, поглубже...

* * *

Катился, катился и вдруг резко отделился от земли — полетел. Павно, легло, застеснялся в рычине прозодило, хорошо. А внизу желтое поле, опаленное, примтое. Танки горят с чадом. Все видно, как на ладошке, и ничего не слышно. Ни звука. Смотрел вниз, улыбался. Клип-то сломались. Сломался клип. Не из чего стало строить клип, не из чего...

То же дава, оставшаяся на поле, — он их видел ясно — теперь выдвигал нос и нос. Шли востречным курсом, поймавая друг друга и радом все пулеметными огнем.

Вот! Ст! Его вот! Ст!

И вдруг навалился звук — тугой, горячий. Вдруг все стало слышаться и с выси — в землю, грудью, с мизу. Ботому. А глаза не закривил, не прищурив, глаза смотрели широко, не амгая, рука заносила для броска гранату. Последую...

Он все видел сверху тогда, он все рассчитал. Дать им развезаться. Дать повернуться друг к другу спицами. Чтоб голенькие были, слабенькие что-то... Граната, отмысая удар, стунулась в решетку над мотором, за бащей. Кажется, даже услышал, как стунулась, и услышал взрыв. Почувствовал, как душит его горячий воздух, ремешок каски. Сейчас задушит...

Каску сорвал. Она звеньнула мягко о землю. Поднял голову и увидел черную тень.

Уходящий!

Удирющий!

Почувели беззащитно губами:

Улететь! Улететь!

То-то.

Потом поплзл. К пулемету. Пола, и не было боли в руке, не было боли в боку. Была сплошная боль. Пола, а поле качалось, промывалось, поднималось, уживалось. И доплзл.

Пулемет стоял на том же месте. И на том же месте в свинки ополочная лежала немца. Только теперь, между ними окопачими стало вздымались черные султаны взрывов. Значит, наши уже и артиллерию переправили, значит, все, что он делал, было нужно там, очень нужно.

Принадли к пулемету, напрыскался все, чтоб видеть, чтоб согнать, развела левую руку перед глазами. Непрыскался — увидел, что немцы уже бросили свои окопачи и бегут на него, опять на него. Хлестнула очередью по зеро-зеленым мушдирам. И еще хлестнул, и еще...

Больше стрелять было нельзя, потому что совсем уж недалеко было от выстрела башки. До зыбу. Услышал: «Ура-а-а!» И сам стал кричать «ура». Только никуда, кроме хриплого «а-а», не получалось. Попробовал снова, и тут ударило хлестко что-то красное прямо в глаза.

Маленький солдат закирнул их крепко-крепко и уже снова открыл огонь по башке. А потом опять уживалось, укрывало от танков, и бросало маленького солдата в небо, и мешало открыть глаза.

Когда он все-таки открыл их, мимо по одному и группами бежали свои. Только все мимо, мимо...

Обидно было. До зыбу. А они все бежали мимо. Стало еще обидней, подалось: умру. Но вспомнил про свой день рождения и решил, что делать этого сегодня никак нельзя. Никак.

И не умер.

МАРТ 1944

ПО СТРАНИЦАМ
ВОЕННОЙ «СМЕНЫ»



Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

М щ е н ь е!

Этот мальчик, упавший нычком,
Чудом спасшись, в саже и глине,
Ставший за ночь одну старичком,
Дотащился под утро ползком

Вплоть до наших завьюженных линий.
Рассказал он, как старшей сестре
Страшный гость угрожал автоматом,
Как лежала она на дворе,

Вся замидевав, вся в серебре,
С голой грудью, с подолом измятым.
Рассказал он, как мать увела
На ночь в погреб другую сестренку,



Как фашист, запалив поселка,
Раскроил без причины, со зла
Ее светленькую головушку,
Рассказал он, как вспыхнул их дом,

Как, лова в невозможном мученье
Зимний воздух обугленным ртом,
Умерла его мать, и о том,
Как она умоляла о мщенье.

Рассказал он еще, как вели
Всех прикладным в поле и, прежде
Чем нине услышали «пли»,
Уже сыпали нолья земляки:

— Это ваша земля! Ну и ешьте!..
И бойца, услышав рассказ,
Пламенели душой воспаленной
И, едва был им отдан приказ,

Ворвались той же ночью как раз
В этот маленький пункт населенный.
Той же ночью на карте штабной
Был отмечен он красным колечком.

...Стали в страшной красе ледяной
Печи, бывшие раньше стеной,
Клуб и школа с разбитым крыльцом.
Ни один не ушел из гостей!

НА ФРОНТЕ ЕСЬ ПЕЙЗАЖ

В

стках Лермонтова, в военных рассказах Тургенева преобразен чуждой и лиричной пейзаж. Человек в минуты величайшего напряжения своих сил глубоко воспринимает природу.

Там более ошутим пейзаж для советского бойца, который сражается на своей земле. Он отнимает родную землю у врага метр за метром. Он переживает судьбу каждого дерева.

Русские реки, которые перешли наши наступающие части, придонские камыши, кубанские плавни — это наш пейзаж.

Никогда не забудет боец и берез рядом со своей позицией.

Русская зима: сугробы с застругами, мягкая пороша и блистательный жесткий наст — это русский мороз, родной нам мороз, грозный для врага, это тоже фронтный пейзаж.

Русские леса ранены боями. Когда уходит враг, подолгу еще в ветреные дни падают подрубленные осколками деревья.

Русские поляны — верные позиции нашей артиллерии; артиллеристы научили их, как художники. Они любят густоту соновых порослей, солнечную зелень кустов.

Русские пашни и поля ждут нашу наступательную пехоту. Каждый шаг освещен желанием прогнать вражескую нечисть, каждый шаг взят с любовью.

Фронтному пейзажу посвятил свои работы Михаил Савин. Некоторые из них печатаются здесь.

Немцы пытаются «освоить» наш пейзаж: в городах и селах они устраивают свои кладбища, похороны на огородах, ставят рядами кресты из неободранной березы.

Но весна смывает чужие могилы. Немецкие фотографы снимают наши пейзажи в вытурных кшах, посылают домой сентиментальные открытки.

Но те немцы, которые легли на нашей земле и тела которых вросли в траву, — они уже никому ничего не пошлют.

И наш пейзаж для них — это пейзаж могучей, спокойной природы, смывающей с себя все чужое.

Виктор ШКЛОВСКИЙ



Не спасли амбразуры и дзоты.
Широк снегова постель.
И метет-заметает метель
Лом железный германской работы.

Мичень! Мичень! Ты жарче огня,
Слаще будущей встречи с любимой,
Вырастешь ты день ото дня,

Мичень, полчища врагов гоня,
Неподкупно и непоколебимо,
Мичень! Мичень! Ты так разлетя
В грозном воздухе бурн военной,

Так оправдано, так поднято,
Что тебя не избегнет никто,
Ну так будь же ты благословенно!

Михаил МАТУСОВСКИЙ



А т а к а

Приснится ли кровавый снег
у Пскова,
Когда разбили русские в бою
На белых скалах озера Чудского
Железную немецкую свинью,

Когда, о клин тройным ударив
клином
И завершив стремительный поход,
Мы с боем получали под Берлином
Железный ключ от городских ворот,

Когда над потрясенными врагами
Вставало пламя, кровью шевеля,

Когда под их нетвердыми ногами
Горела украинская земля...

Враги дрожат, завидев цепь
за цепью,
Почуя приближение беды:
И перекатное сузан над русской
стелью
И прохודהщие под пулями ряды.

Им не снести удара лобового,
Прославленного в битвах из века,
Сурового, точного, прямого,
Нимирящего русского штыка.

АПРЕЛЬ 1944

ОБЕРАЦИЯ "ГЕБРИТОН"

ОСВОБО

1-И УКРАИНСКИЙ ФРОНТ. 29 ФЕВРАЛЯ 1944 ГОДА.

Ранняя украинская весна. Снежные поля в бурых проталинах, истонченный солнцем снег, желто-пенные потоки бегут по обочинам. Поднимая фронты Бразг, по дороге мчатся несколько «взлосисов».

Во второй машине, рядом с шофером, командующий 1-м Украинским фронтом генерал Ватутин. На нем овчинный полушубок, папача, сдвинутая на правое ухо. Генерал сидит боком, держась за переднюю скобу. На заднем сиденье молодойенький адъютант и солдат с автоматом на груди. В руках адъютанта раскрытый словарь. Ватутин спрашивает:

— Как по-польски масло?

Адъютант листает.

— Масло, товарищ генерал.

— А мясо?

Адъютант ведет пальцем по странице.

— Мясо...— удивленно отвечает он.

— А хлеб!— с интересом спрашивает Ватутин.

Адъютант находит нужную страницу, пожимает плечами.

— Хлеб...

— Видишь, какой легкий язык — и учить не надо,— смеется Ватутин.— Ну, а как по-польски живот?

— Жичке, живот,— с улыбкой отвечает адъютант.

— Все же различается...— задумчиво говорит Ватутин.— Жичке, живот. А вообще одно и то же...

Пулеметная очередь рванула по ветровому стеклу. Схватившись за грудь, повалился на бок молодойенький адъютант.

— Газдорвайеся! Немци!— крикнул Ватутин, на ходу выпрыгивая из машины.

Вперед от окранный села бежали наперерез машинам какие-то люди в немецких шинелях, стреляя из автоматов.

Передний «взлосис» осыпался влево, колесами в кювет и перевернулся. Из него выскочило трое солдат. Один сразу ныкнул в снег. Двое бросились назад, к машине Ватутина.

— Отстреливаться!— скомандовал Ватутин, выдергивая из кобуры пистолет.

К Ватутину подбежал сопровождавший его автоматчик, потом еще двое из передней машины. Отстреливаясь, они стали медленно отходить.

Атакующие залегли. Пулеметная очередь полоснула вдоль шоссе.

Ватутин вадуг сплонулся и медленно осел на скат кювета.

В это время задом подъезжал «взлосис» командующего (шофер успел развернуться). Солдаты встиснули раненого генерала в машину, и она понеслась, подпрыгивая на спущенных шинах.

Возле санитарного двухмоторного самолета группа генералов. Впереди маршал Жуков. Из подвешенной машины выскочили носилки.

На них, накрытый байковым солдатским одеялом и поверг — шинелью, лежит Ватутин. Глаза закрыты, он тяжело дышит. Носилки ставят около трапа. Подходит Жуков. Осторожно окликает:

— Николай Федорович!

Ватутин открывает глаза. Узнал. Взор стал светлее.

— Не вовемя... не пришлось начать самому...— сказал он хриплым голосом.— Кто после меня будет командовать фронтом?

— Я принял командование, Николай Федорович,— сказал Жуков.— Счастлива тебе. Выздоровляйся скорее, еще увидишь в Польше.

— Жичке, живот...— тихо сказал Ватутин.

— Чтот!— не понял Жуков.

— Он все время повторяет это слово,— сказала врач, сопровождавший Ватутина.

— Жичке по-польски — жичан,— едва слышно произнес Ватутин.



1-И БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ. 19 АПРЕЛЯ.

Рассвет. Над правым, как стрела, шоссе встанут красивые ракеты: это сигнал атаки. Прозрачные свистки в траншеях.

— Вперее-д!

Траншеи выкопаны вблизи шоссе, проходят в развалинах домов деревни, небритые командиры рот, встав в рост, размахивают пистолетами, хрипло кричат:

— Вперее-д!

Штыри солдат выскочивают из окопов, из развалин домов, бегут к шоссе. И точка струи трансирующих пуль надлестом обрушивается на атакующие. Штыри падают ничком, тыкаются лицами в шоссе, замирают. По всему шоссе разрывы.

НП командиры батальона майора Орлова. Отсюда видно все поле.

За шоссе высота. Перед ней врыты в землю немецкие самоходки. Они прямой наводкой бьют по атакующим.

Наша пехота откатывается, залегает перед полосой шоссе, на нем тенью тела убитых. Видно, как несколько человек из атаковавших рот, удачно прокочивших через шоссе, бегут по скату высоты, падают, исчезают в дыму.

Штырки с треском, с гроном обрушиваются на НП.

— Обстонок у соседней!— кричит Орлов, оглядываясь в мутные облака пыли.

ЖДЕНИЕ

Юрий БОНДАРЕВ,
Оскар КУРГАНОВ,
Юрий ОЗЕРОВ

Отрывок из сценария



Солдаты-освободители спешат вперед — к Берлину. Фото Евгения ХАЛДЕЯ

Тенью выдвигает из дыма и пыли маленький суконный старший лейтенант с худощавым волевым лицом — начальник штаба батальона. Спокойным жестом отражает с груди пыль.

— Соседние батальоны справа и слева докладывают: атака захлебнулась, оканчиваются.

— Соедините меня с командиром полка, быстро! — отрывисто говорит Орлов.

В это время к Орлову подходит Зоя. Она, видимо, бежала по траншее, никак не может перевести дыхание, поправляет сумку на боку.

— Товарищ майор, ваши раненые за дорогой!..

Орлов мелком взглянул на нее, подходит к телефонисту, который суматошно крутит ручку.

Зоя:

— Товарищ майор!..

Орлов, не слушая ее, разгоряченно хватая трубку.

— Высоту 276,8 взять не могу. Еще одна такая атака, и я останусь без людей.

Командир 206-го стрелкового полка подполковник Сергиенко отвечает в трубку:

— Майор Орлов, ваш батальон выполняет серьезную задачу. Это уксинил!

— Уксинил.

— Я требую любыми средствами взять господствующую высоту! — настаивал Сергиенко. — Вы приказ знаете!

— Приказ знаю, — ответил на своем НП Орлов. — Что? — Орлов медленно положила трубку.

— Что он сказал! — спросил старший лейтенант.

— Не могу повторить при женщинах, — усмехнулся Орлов.

А Зоя, расширенными глазами глядя ему в лицо, говорила решительно:

— Товарищ майор, ваши раненые за шоссе. Вы не слышите меня? Дайте мне двух солдат, и я вынесу раненых.

— Ты что, Зоя! Красиво умереть закотела! — резко прокричал Орлов. — Куда еще солдат! У меня каждый человек на счету! Ночью, ночью вынесем!

И повернулся к ней спиной.

— Товарищ майор! — позвал старший лейтенант от стереотрубы.

Орлов подошел к амбразуры блиндажа.

Он увидел, как из траншеи выползла по брустверу тонкая фигурка в гимнастерке с вдовичицей по земле санитарной сумкой, потом вскопчила, перебежала, упала возле самого шоссе. Ее, казалось, не видели ни наши, ни немцы.

— С ума сошла девка! — снова зубы выговорил Орлов.

Она опять вскопчила, кинулась к насыпи, подбежала к шоссе — маленькие сапожки под уязкой юбки замелькали меж воронок.

Наши траншеи. Чуть слева, в насыпи, НГ Цветаева. И вдруг крик в пехотных траншеях:

— Братцы, никак Зоя? Глядите-ка!

Все бросились к брустверу.

Зоя была по ту сторону шоссе на высоте. Видно было, как наклонилась над раненым, держа его голову на коленях, перебинтовывая ее. В этот момент из окопа немецкого боевого охранения выскочили трое автоматчиков. Не стреляя, бросились к ней. А она не увидела их за кустами.

— Сатна девка! — крикнул кто-то из пехотинцев. — В плен возьму! Цветаев увидел растерянное лицо молодого пулеметчика, обернутое к пехотнику-пленнику, перекаченным голосом командовал:

— А ну! — и оттолкнул паренка от пулемета. И Цветаев, сгинув зубы, выступил по немцам очередь. На мгн. даже замкнулся. И снова выпустил очередь, короткую и резкую.

Менцы ушли. Их теперь не было видно в кустах.

Цветаев поднял голову. И тут кто-то из траншеи, не выдержав, резанул из автомата по немцам.

Фонтаники пыли возникли возле воронки, на краю которой лежала Зоя с раненым.

— Проклятый огонь! — крикнул Цветаев, повернув голову от пулемета.

— Атаковать бы из! — ответил, задыхаясь, кто-то. — Продаст сестра.

— Ну пошли, ребята! Молнией! Ноги в руки — и там! — крикнул Орлов и со злым азартом махнул рукой. — Вперед-е!

Казалось, все только ждало этого сигнала, везде стали вскакивать из траншеи согнутые фигуры солдат, сумасшедшим скачками выдвигаясь и поблескивающему вперед шоссе. И сразу несколько человек достигли асфальтовой полосы.

Орлов вскрикнул на бруствер, побежал, крича что-то, и исчез в дыму. Все высота кипела в разрывах. Били немецкие самоходки, лихорадочно посылаяли пулеметы. Пули ударили по краю огромной воронки. Зоя посмотрела на раненого. Молодой, совсем мальчик, он лежал на спине, за прокинув синеве, без кровинки лица, на груди набухали от крови бинты. Он кричал дыша. Потом Зоя выглянула из воронки. По высоте среди сверкающих гресс возникли и пропадали в дыму фигуры людей. Люди бежали на высоту, изарбкаясь по скату, крича, на бегу стреляя из автоматов.

Несколько человек бежали прямо к ней. И внезапно она увидела Орлова, его какое-то заостренное, страшное, лютное лицо. Пробегая мимо воронки, он закричал:

— Жива! Молодчина! Вперед, ребята, в обход!

И солдаты, забравшись по скату, смотрели в ее сторону, тяжело дыша, лица их выражали азартную отрешенность.

— Жива, сестренка, жива! Ах ты, отчаянная девка!

А она смотрела на них молча, как бы ничего не понимая.

По известному ходу сообщения идут к наблюдательному пункту 65-й армии маршал Жуков и генерал армии Рокоссовский. Черные кожаные regulation покрыты пылью, на груди бинтолки.

Возле входа в блиндаж их встретил командующий 65-й армией генерал-полковник Батов.

— Товарищ маршал, — доложил Батов, — провозжу разведку боем в Паричском направлении. Второй батальон третьего дивизиона занял высоту 2171. Дальнейшее продвижение приостановлено сильным огнем противника. В батальоне — большие потери.

— Наступление прекратить, — сказал Жуков и вместе с Рокоссовским и Батовым прошел в блиндаж.

— Павел Иванович, — устало снимая фуражку, продолжал Жуков, — скажите вот что... Можно ли наступать на Паричи? Как вы оцениваете это предложение?

Батов развернул карту.

— Конечно, это направление заманчиво. Участок местности сухой. Не имеет водных преград, но противник не дурак. Оседлал сильную, глубоко эшелонированную оборону. Наступать на Паричи — значит нести тяжелые потери.

— Правильные соображения, — согласился Рокоссовский. — Наступление на Паричи не будет неожиданным. Именно там нас и ждут.

— А как у вас дела на левом фланге? — спросил Жуков.

— Там местность исключительно трудная для маневра, — ответил Батов. — Множество небольших рек с широкими поймами и топкие болота.

— А когда вы там были последний раз? — спросил Рокоссовский.

— Сегодня ночью.

Батов показал на карте.

— Туда можно проехать?

— Не рекомендую, — покачал головой Батов, — местность открытая, обстреливается артиллерией, лучше ночью, товарищ маршал.

— Едем сейчас, — сказал Жуков.

Жуков, Рокоссовский, Батов, сопровождающие их офицеры шли топкой, болотистой тропой, проваливаясь по колено в грязь. Вперед в лесу изредка постукивали пулеметы.

Жуков спросил:

— Павел Иванович, какая здесь у немцев оборона?

— Здесь нет сплошного фронта обороны, товарищ маршал. — Батов шагнул по грязи поближе к Жукову. — Она построена по принципу отдельных опорных пунктов, расположенных на сухих, возвышенных участках.

Генералы вышли к опушке леса, где под толщей сосны в стороне тлеет маленький костер. Возле костра сидят солдаты, поджаривая шинель, грели воду в котелке. При виде генералов вскочили.

— Занимайтесь своим делом. Садитесь, — сказал Жуков. — Чем замусуеваете?

— Вторым фронтом, товарищ начальник, — ответил пошлой усатый солдат и осторожно присаживаясь на переборзевший ли с ответом!

— Чем, чем? — усмехнулся Жуков.

— Да вот — тушенка американская. — Усатый показал на открытую банку консервов. — Мы ее вторым фронтом прозвали промееж себя.

— А скоро они его отпроят, товарищ начальник! — спросил молодой солдат, стеснительно куривший в руках.

— А без них вы не справитесь? — улыбнулся Рокоссовский.

— Справитесь-то справимся, — сказал усатый. — Да у нас в деревне говорят: кто последний в драку влезает, тот больше всех и в штаны... Засмеялись.

— Как вы тут в болотах ходите? — спросил Рокоссовский, онцая от грязи свои сапоги.

— В мокроступах, товарищ начальник. Приспособились.

— Что за мокроступы? — удивился Жуков.

— Ну, лыжи из лозы. Ноги в траншею не тонут и шагаешь легко. Степано, поможете, — обратился усатый к молодому парню, курившему ехзкую кошку.

Степан взял плетенные в решетку лыжи, надел их на ноги и легко пошел по болотной жиже.

— Лыжи придумано! — похвалил Рокоссовский.



Путь на родину
лежит через бой

Ветеран войны, участник Великой Отечественной войны, командир взвода артиллерийской батареи, капитан 1-го ранга, Герой Советского Союза, полковник в отставке.

В самый разгар Великой Отечественной войны корреспондент журнала «Смена» беседовал с командиром чехословацкой воинской части, созданной на территории СССР, полковником Л. Свободой.

Давидать себя ему слуга корреспондент ТАСС в СССР Борис Братески, но просьбе редакции «Смены» взял интервью у президента Чехословацкой Социалистической Республики генерала армии Любоша Свободы.

Вадать пять лет отделение нас от того утра свободы, когда на европейском континенте умлок грохот сражений второй мировой войны. Свобода была добыта дорогой ценой, но вы один, жертва не бывает напрасной, если она принесена ради великой цели, во имя лучшей судьбы будущего.

В отне боев второй мировой войны чехословацкие солдаты сражались бок о бок с советскими и в едином строю советских армий. Вместе с ними мы атаковали фашистские позиции и побеждали, а когда нужно было зарыться в землю и отражать вражеские контратаки, мы вместе оборонялись. На полях сражений рядом с советскими солдатами боролись с фашизмом, погибали и побеждали чешские и словацкие товарищи по оружию, и совместно пролитая кровь рождена, укрепилась и закрепила чехословацко-советскую дружбу.

Долгим был наш совместный боевой путь в те тяжелые годы. Он начался у небольшого украинского села Соколов под Харьковом и закончился в освобожденной Праге. А между этими двумя точками на карте Европы, между селом на Украине и столицей Чехословакии, лежал украинские, польские и чехословацкие

Жуков и Рокоссовский медленно пошли за солдатам с микроступами. Рокоссовский подумал вслух:

— Если по болоту можно пройти, то как-нибудь найдем способ провести и боевую технику. Чей черт не шутит! Иначе тоже никак не выйдем из этого болота Жуков.
— Папаша! — ответил Рокоссовский. — Но каким сюрпризом буди мн! — Он показал в сторону леса, откуда доносились пулеметные очереди. — Вот тут и надо, Георгий Константинович! А?

МОСКВА. КРЕМЛЬ. 23 МАЯ.

В зале заседаний Ставки собрался командующие фронтами — генералы Мерццов, Говоров, Баргалин, Толбухин, Черняховский, Рокоссовский, Конева, Малюков. Здесь же находились заместители Верховного главнокомандующего Жукова, начальник Генерального штаба маршал Василевский, его заместитель генерал Антонов, начальник оперативного управления генерал Штеменко, члены военных советов фронтов, начальники родов войск. Вел заседание Сталин.

Перед картой Рокоссовский, он заканчивает доклад:
— И данные разведки подтвердили наши предположения. Во-первых, противник исключает возможность нашего наступления на этом направлении и поэтому имеет здесь не такую сильную оборону, как на других участках фронта. Во-вторых, Болота проходимы, для людей, а если проложить гати, то и для техники. Вот почему в предельно малом главней удар правым флангом — четырьмя полковыми армиями: 3-й, 48-й, 65-й и 28-й — в направлении Бобрюкис — Минск — Барановичи.

— Все-таки мы с Жуковым таяте нас в Болота, товарищ Рокоссовский. — Сталин отпустил Рокоссовского.
— Это нелегкий путь, товарищ Сталин, но обещанный успех, — ответил Рокоссовский. — Мы все продумали, товарищ Сталин.

— Не похоже, что все продумали. — Сталин чуть нахмурился. — Выйдите в соседнюю комнату и продумайте еще раз ваше предложение. Так будет серьезнее, товарищ Рокоссовский.

Рокоссовский поставил несколько секунд, как бы не понимая Сталина, вышел. Сталин подумал к себе пеньливо, после молчания заговорил:
— А тем временем послужат товарищ Василевский. Как вы знаете, под руководством товарища Василевского была проведена успешная операция по освобождению Крыма. После этого товарищ Василевский вместе с Жуковым разрабатывал план летней кампании.

Василевский вышел к карте, взяв указку и начал свой доклад неторопливо.

— При разработке плана летней кампании мы прежде всего учитывали особенности присутствующих здесь командующих фронтами. Летняя кампания 1944 года представляет собой систему крупнейших операций на огромном пространстве от Прибалтики до Карпат. План летней кампании выработан после долгих раздумий. Первый удар наносит в конце мая — начале июня Ленинградский, а затем Карельский фронт в направлении на Выборг. Эти операции должны привести к разгрому и выходу из войны Финляндии.

— Именно вам удаче, товарищ Мерццов, — улыбнулся Сталин.

— Спасибо, товарищ Сталин, — ответил Мерццов.
— Далее, — продолжал Василевский, — последует главный удар в Белоруссии, в результате которого в районе Витебска, Бобрюкиса, Минска должна быть разгромлена и уничтожена немецкая группа армии «Центр» в полном освобождении Белоруссии. Последующая задача этой операции

нацело освобождения Польши. На направлении главного удара будут действовать 3-й Белорусский фронт генерала Черняховского и 1-й Белорусский генерала Рокоссовского.

Василевский замолчал, невольно оглянулся на дверь.
— Присядьте, товарищ Рокоссовский, — сказал Сталин дежурному секретарю, поймав взгляд Василевского.

В зал вошли Рокоссовский,
— Ну что, все продумали, товарищ Рокоссовский?
— Так точно, товарищ Сталин. Я твердо убежден, что необходимо наступать правым флангом через Полесье Болота. Это обеспечит внезапность удара. Кроме того, здесь нам помогут белорусские партизаны.

Сталин долго молчал.
Вел смотрел Гла Рокоссовского,
— Подумайте еще раз, — сказал Сталин и повторил немедленно. — Внезапность, через Полесье Болота...

Рокоссовский повернулся и вышел, взволнованный, однако внешне спокойный. Сталин посмотрел ему вслед.
— Предлагаю назвать белорусскую операцию «Взбурятия», — сказал Сталин. — В честь выдвинувшегося нашего соотечественника, прославившего русское оружие в 1812 году. Продолжайте, товарищ Василевский.

— После начала операции «Взбурятия», когда немецкое командование поняло, что именно здесь, в Белоруссии, происходит решающие события, и динет сюда свои резервы с юга, — Василевский показал на карте, — нанесет свой удар 1-й Украинский фронт генерала Конева на львовском направлении. И, наконец, когда в результате всех мощных ударов враг понесет поражения, можно развернуть наступления на Балканах — в Румынии, Болгарии, Югославии.

— Хочет ли кто-нибудь добывать товарищ Жуков! — спросил Сталин.
— Хотел бы только сказать о применении танковых соединений в операции «Взбурятия» на направлении главного удара.

— Сталин кивнул. Жестом подошел к карте.

— До войны я долго служил в Белорусском военном округе и хорошо знаю театр военных действий. Здесь, в лесисто-болотистой местности, трудно использовать большие массы танков. В связи с этим предлагаю ввести в прорыв только танковые корпуса. И не трогать четыре танковые армия фронта, — Жуков показал на карте. — Во-первых, мы введем в заблуждение противника: зная о местонахождении этих танковых армий, он будет ждать главного удара не в Белоруссии, а на Украине. Во-вторых, это будет удар по тылам противника на втором этапе наступления. И, в-третьих, это надежно обеспечит левый фланг наступающих армий генерала Рокоссовского.

— Согласен, — сказал Сталин и повернулся к секретарю: — А теперь позвать Рокоссовского.

— Возле Рокоссовский.

— Где же все-таки будете наносить главный удар, товарищ Рокоссовский? — Сталин посмотрел на него внимательно. — Через Болота?

— Да, товарищ Сталин. Направление главного удара — через Полесье Болота, — Рокоссовский выдержал взгляд Сталина. — Я уверен в правильности своего решения, товарищ Сталин.

Сталин прошелся по комнате.
— Настоящая команда командующего фронтом, — сказал он, — доказывает, что организационная подготовка тщательно продумана. Давайте вашу карту, товарищ Рокоссовский.

города и села, которые вместе с советскими войсками освобождали бойцы чехословацкой части, созданной на территории СССР, части, которой я имел честь командовать.

Мне вспоминается, как вскоре после начала первого боя в Чехословацкой армии была совершена первая победа, сражаясь в строю советских гвардейских соединений, я меня на командном пункте побывав корреспондентом журнала «Смена». Разумеется, я со своим впечатлительным рассказом о нашем первом сражении с гитлеровцами. И добавил, что каждый чехословацкий воин должен знать, что путь на родину лежит для нас через жестокие бои с нашим общим врагом и что мы счастливы, участвуя в этих боях. И мы действительно были счастливы. Разве не было счастливым для нас в то время вместе с советскими войсками участвовать в освобождении от фашистских оккупаторов Чехии! В конце войны в Чехии Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1943 года, чехословацкая бригада была названа в приказе Верховного Главнокомандующего как одна из частей, особо отличившихся при освобождении столицы Украины.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в награду за героические подвиги в борьбе с фашистским врагом в составе орденом Суворова. Советское правительство высоко оценило мужество и героизм чехословацких воинов в боях за Киев. Трое офицеров бригады были присвоены высокое звание Героя Советского Союза. 139 солдат и офицеров получили советские ордена и медали.

Особой известностью были сражения осенью 1944 года в Карпатах. Внесемдесят дней непрерывных боев приносили столько свидетельств героизма, отваги и самоотверженности, сколько и чехословацких воинов, что трудно выделить из них какой-либо особый случай. Об одном всегда хочу рассказать.

Мы сражались за высоту 534. Это были жаркие бои. Наши атака смелыми контратаками гитлеровцев. Одна из таких контратак едва не стоила мне жизни, и я до сих пор храню благодарную память о двух советских офицерах, которые спасли мою жизнь. Появился, где мы находились, накрали заныли фашистского шестистопенного миномета. Огневой налет был неожиданным, и я не успел бы укрыться, если бы не мои советские товарищи по оружию. Они буквально пыркнули меня на землю и прикрыли своими телами. Когда опасность миновала, один из них, артиллерийский капитан, сказал: «Там не прикрывать, а вы, генерал, и прикрывать своими телами. Праги!» Пользуясь предоставленным мне правом, я тут же на поле бо-

наградил обоих героев чехословацких военных крестом.

Я видел, как уже на чехословацкой земле, в Карпатах, на Дулинском перевале, в горах Словакии, под Прешовом, Жиллином, Оставрой и Вешчане советские воины сражались так же мужественно и героически, как и на земле своей Родины. Их прославленное оружие после десятидневных боев фашистской оккупации несли долгожданную свободу народам Чехословакии. И это навсегда останется одним из самых ярких примеров братской интернациональной помощи советских людей нашим народам.

Совместный путь советских и чехословацких воинов по дорогам войны, по дорогам освобождения, по дорогам братских могилкам, которые как бы скрепляют боевое братство товарищей по оружию. Много на нашей и нашей земле напечатано тем, что не дождет до победы. Жизнь хранит о них благодарную память. Как советский, так и чехословацкий народы никогда не забудут героев нашей войны. Пусть же и о них кто-нибудь крепко вечно чехословацко-советская дружба.

Четверть века отделяет нас от победоносного окончания второй мировой войны. Но, как и никогда, важно вспомнить о том, каких героев стояла эта война. Только на

полях сражений пало 32 миллиона человек. 11 миллионами невинных погибли в гитлеровских лагерях смерти.

Эти цифры звучат строгим предостережением. Они напоминают, они требуют постоянной бдительности, ибо за каждой единицей из этих миллионов — чья-то юность, которая так и не стала зрелостью, чья-то молодость, которая не дала плодов, чья-то жизнь, которая не была открыта, которые так и не состоялись.

Но даже сейчас, на пороге атомного века, когда человек все дальше и дальше проникает в тайны Вселенной, человечество не забывает еще от самой страшной угрозы — угрозы войнам. Для того, чтобы сохранить и упрочить мир на земле, нужно приложить еще очень много усилий. Но я глубоко убежден, поскольку верю в силу прогресса, в могучую волю человека к миру и солидарности, что благородная борьба человечества за мир победит те силы на Земле, которые пытаются играть злые игры.

Желаю вам, дорогие читатели «Смены», больших успехов в этой борьбе, в создании светлого будущего. Мне хочется передать сердечный привет вам всем, моим молодым друзьям, сыновьям и дочерям великой страны Ленина.

Рокоссовский положил на стол свою карту с нанесенным планом операции, и Сталин написал: «Утверждаю».

БЕЛОРУССИЯ. 23 ИЮНЯ.

Командный пункт командующего 3-м Белорусским фронтом, Блинджи, связанные между собой ходами сообщений. Десетки офицеров застыли у стереотруб, раций и телефонов в ожидании последней команды.

Командующий фронтом генерал армии Черныховский и представитель Ставки маршал Василевский принимают доклады.

— Аванджа дальнего действия в воздухе,— доложил главный маршал авиации Голованов.

— 2-я воздушная армия в готовности номер один,— доложил генерал Хрюкин.

— 3-я воздушная армия в готовности номер один,— доложил генерал Плавнин.

— Артиллерия фронта в готовности,— доложил командующий артиллерией.

— 5-я танковая армия заняла исходные позиции,— доложил генерал Ротмистров.

— Ну, товарищи, операция «Баграмян» начинается,— торжественно сказал Василевский.— Соедините меня с Баграмяном.

Его соединили.

— Первый Прибалтийский фронт готов,— доложил генерал Баграмян.

Василевский выпрямился, посмотрел на часы.

На часах пульсировала секундная стрелка. Было четыре часа пятьдесят семь минут утра.

Солнце медленно вставало над лесами Белоруссии. Было прекрасное, погожее утро. Нигде ни ракеты, ни выстрела. Спокойным, ровным светом обшескивала розовая гладь воды.

И вдруг все генералы, отдавшие приказы по телефону, и Василевский, и офицеры оперативных групп— все поднимают головы, замолчав, пораженные необычным спокойствием утра.

— Красотища-то,— удивленным голосом говорит негромко командующий воздушной армией генерал Хрюкин, и его молодое лицо со светлыми глазами как бы замирает.— Прямо-таки нарушать жалко...

— И все-таки мы ее нарушим...— говорит Черныховский, поднимая голову от часов.

— В добрый час, начали, товарищи генералы.

И сразу же по десеткам радиостанций и телефонов понеслась команда наступления: «Начали!»

Утреннюю тишину разорвали залпы из тысячи артиллерийских орудий, минометов, «катюш».

1-Й БЕЛОРУССКИЙ ФРОНТ. 24 ИЮНЯ.

3 ЧАСА УТРА.

По ходом сообщения в сопровождении группы генералов шел маршал Жуков. У входа в свой командный пункт его встретил генерал армии Рокоссовский.

— Как наступают соседи?— спросил Рокоссовский, пожимая руку Жукова.

— Очень хорошо,— ответил Жуков.— Баграмян прорвал оборону и вышел к Западной Двине. А Черныховский своим правым флангом стремительно движется к Березине.

Жуков и Рокоссовский вошли в блиндаж и подошли к карте, разложенной на длинном столе.

— Второй Белорусский Захарова тоже успешно прорвал оборону и идет на Миньск. Теперь, твою очередь — направление главного удара,— шитро подмигнул Жуков.

— По всем данным, немцы по-прежнему не ожидают,— сказал Рокоссовский.— У меня все готово. Осталось только проложить гати.

— Почему же медлить?— Жуков посмотрел на часы.

— Решили забить сваи во время артиллерийской подготовки. А то немцы услышат, засекут по звуку и накроют.

— Успешно?

— Полтора часа. Должны.

— Товарищ маршал,— доложил один,— восемь тысяч орудий и минометов готов.

— Ну что ж, как говорил Бонапарт, артиллерия, вперед!

По пояс в воде, с деревянными молотами в руках, застыли саперы. Все напряженно ждут. И с первым артиллерийским залпом неистово заработали деревянные молоты саперов.

В болотную топь вбивались сваи, на них настилалась заранее подготовленная бревенчатая гать.

Бревна сбивались металлическими скобками.

Майор Орлов поднял вверх ракетницу, и красная ракета, описав дугу, погасла в воде.

— Ну, болотная рать, за мной!— крикнул майор Орлов.

И тысячи солдат в мисротрутах быстро поскользнулись через болото.

Они тащили за собой на сплетенных из прутьев волокушах пулеметы, минометы, патронные ящики.

Передние роты ворвались в траншеи немецкого боевого охранения. Впереди бежал Орлов. Перед самой траншеей внезапно остановился, равняясь с ног мисротруты, выругался:

— Ни разу в бой не ходил в калошах. Вперед, ребята, всем медали будут!

Он выхватил телефон и прыгнул в немецкую траншею.

В командном пункте у стереотруб Жуков и Рокоссовский. Генерал Батов оторвался от телефона, доложил:

— Гати проложены; товарищ командующий.

— Молодцы, перенесли огонь в глубину,— командовал Рокоссовский,— генерал Орлов!

— Слушаю вас,— отозвался командующий бронетанковыми войсками 1-го Белорусского фронта.

— Пускайте корпус Панова!

Генерал Панов сидел на башне танка и передавал в ларингофон условный сигнал:

— Буря, пать, пать! Ни пуха ни пера вам, братцы!

Три танковые бригады начали движение по бревенчатым гатям через болота.

Главной танк шед, как бы на ощупь, он будто балансировал, накренился то влево, то вправо.

— Добавить скорость,— командовал Панов.

Танк рванул и, преодолев топь, вылол на твердый грунт. Немецкие батареи вели обстрел по переправам танкового корпуса.

Одна «тридцатьчетверка» вдруг стала медленно скатываться, погружаться в трясину.

— Экипаж седьмой, немедленно покинуть танк!— командовал в ларингофон генерал Панов.

В «тридцатьчетверке» откинулся башенный люк, на броню высочили командир танка, механик-водитель, стрелок, прыгнули на гать.

Саперы успешно положили на башню затонувшего танка бревна, переправа танкового корпуса продолжалась.

За танками через болото двинулась кавалерия.



Красная Армия несла освобождение, мир, новую, счастливую жизнь народам Европы. Как братьев, встречали советских солдат София, Бухарест, Белград, Вена, Варшава, Будапешт и сотни других городов.



БЕРЛИН. 30 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА.

Капитан Неустров бежал вверх по лестнице рейхстага. На верхней площадке уже началась рукопашная, мелькали в гуде тел приклады автоматов. Он увидел, как какой-то немец, вадру выскочив сбоку, из-за статуи, полусную очередь в спины наших солдат, вновь отпрыгнул за ступеню. В это же мгновение Неустров, пробегая мимо, короткой строчкой резанул в сторону статуи, и там сползло тело, сползнуло на ступени лестницы автомат.

— Вперед! — хрипло крикнул Неустров, на миг глядя увидев такое страшное лицо с открытым ртом в разбитом зеркале, на которое он бежал. Это зеркало было возле двери в зал заседаний. И тотчас зеркальные осколки, отразив вспыхивающий выстрел, брызнули, рассыпались под ногами. Батальон ворвался в огромный зал с пятнами красными толстыми коврами на полу. Здесь было человек пятьдесят эсэсовцев. Ковры и кресла дымилась. Эсэсовцы, переползая за ридями кресел, вели огонь с разных концов зала. С потолка посыпались осколки люстр.

— Гранаты! — крикнул Неустров.

Он лежал за креслом, увидел возле сержанта Дорожкина, тот сдерживал с плеча рацию.

— Целя, скажи на милость!
— Это тебе не в танке, э! — возбужденно замялся веселый солдат. Он лежал рядом, лихорадочными движениями вставал запалы в гранаты, в это же время мильком изумленно оглядывая зал.

Вперед из-за высокой трибуны ударял немецкий пулемет, простреливая вглубь зала. Невозможно было поднять голову. Прямые стволы, содаватели лежали на полу за креслами. А в зале уже начался пожар — горели кресла, ковры, обшивка на стенах.

В эту минуту две фигуры возникли в дальнем конце зала под пулсирующей вспышкой выстрела. Они шли вперед, и один солдат, встав впереди, кринул гранату. Возле трибуны вытолкнулся клуб дыма. В тот же момент группа немцев в форме морских курсантов вскопичил из-за кресел, бросилась в сторону трибуны, стреляла на бегу.

— Вперед! — крикнул Неустров и поднимая, очередями срезая фигуры, толпой бежавшие мимо трибуны в конце зала.

К Неустрову побежал маленький, заросший цветной солдат в плащ-палатку, крикнул:

— Товарищ капитан, весь рейхстаг горит! Немцы «фаустами» поджигают!

Все горело в рейхстаге. Пылали коридоры, комнаты, верхние этажи, очаги пожаров соединялись, сплетались, упорно вытесняя Батальон Неустрова из занятых комнат. Загорались плащ-палатки, телья на спинах ватники; невозможно было дышать, люди кашляли, задыхались.

Немцы беспрерывно контратаковали из подвалов, пытались вырваться в коридоры. Это было мстительная атака. Пулеметчики — отец и сын, лежа под колонной, возлился с лентой. Отец кричал страшным голосом, выкашлялся глгза:

— Сейчас, папаша, сейчас... — хрипел сын, лихорадочно подгонявая ленту.

— Пулемет! — крикнул Неустров, очередями стреляя из-за колонны. Пулемет заработал в тот момент, когда лавина немцев вылетела в коридор. Заменялись озверевшие лица, разинутые рты, на немцах тела одежд, слитно строчили автоматы. В этой контратаке было что-то безумное. Пулемет был упрям.

Немецкая контратака из подвала захлебнулась. Немцы отозли. Вбежали в горящие комнаты. Человек двадцать ворвался из коридора в вестибюль, и возле лестницы завязалась рукопашная. Со всех сторон наши солдаты бежали туда, были прикладами, катались, сцепившись по полу, а перекет уже горел островами, весь вестибюль был окружен стеной огня.

Трое — лейтенант Бераст, рослый красавец пулеметчик с усиками, и Дорожкин — были отрезаны попером от батальона перед вестибюлем.

Дорожкин стоял за ираморной статуей императора Вильгельма, а Дорожкин было два немца автомата, из-за ремня торчало несколько гранат. Он стрелял по лестнице, отсюда скатывались немцы, перескакивая через убитых.

Выступил еще маршал. Дорожкин швырнул автомат.
— Ничего! — приговаривал Дорожкин, сдерживая второй автомат. — В танке хуже будет!

Пулеметчик в это время, пониз обстановку, повернул пулемет в сторону лестницы, успев дасть несколько очередей, но в ту же секунду две гранаты раскатились к нему. Пулемет мгновенно сгорел.

В дымку не видно было и лейтенанта Бераста.

— Парень, ты что? — крикнул Дорожкин. — Слыши, парень!

Пулеметчик не отвечал, лежал, уткнув голову в руки, каменно сцепившись с железными досками пола. Как будто спал, только гимнастерка разорвана была на спине.

— Ах, какой парень красивый был! — с отчаянием выдохнул Дорожкин. Немцы все пробивались с верхних этажей и подвалами. Одна группа возникла в вестибюле из коридора, двинулась к Дорожкину. А сзади с галереи, в этот момент свесился немец в каске. Стол его автомата заплескал вспыхивая. Дорожкин не увидел, откуда стрелял этот немец.

Пулл откололи куски мрамора от руин императора Вильгельма, и Дорожкин крикнул:

— По своим бегите, фриц!!

А немец в каске, что был на галерее, опять свесился вниз, несколько

"БЕРЛИНСКАЯ ОБОРЯТА" ПАНОВА ЧУЙКОВА

18 октября 1941 года мытищинского слесаря-водопроводчика А. Панова призвали в Красную Армию. Он закончил курсы младших командиров в полку под Южком — отдалеком от Московской зашиты. В 1942 году в районе города Луны в это рота и еще несколько частей очутились «в мешке». После прорыва старшего лейтенанта Панова перебрисонки под Сталинград, а затем вместе со всеми он очутился под Берлином — точнее, в В-И Гавердийской армии, которой командовал Василий Иванович Чуиков...

23 апреля Панова вызвал начальник тыла армии полковник Бродягин. Он сообщил, что в том секторе Берлина, который отбиваетея его армия, вот уже несколько дней нет воды. Брать ее из Шпрее мичем запрещено: в воде лютымч полон трупов. Нужно найти подобный план Берлина, по нему отключить водопроводную сеть, отремонтировать ее и пустить воду.

План взял русско-немецкий словарь, получил в свое распоряжение легковую машину, запас продуктов и специальное удостоверение за подписью Чуикова, где говорилось, что Панову следует оказывать всяческое содействие в его небоевом деле.

Для начала Панов нашел на карте Фридрихсгагензе. От этого озера, как полагал старший лейтенант, в город, точнее, в их район, и должны идти водопроводные трубы. На берегу озера он нашел насосную станцию и трех штакетных

немцев. На все распросы они отвечали: «Нет угля, нет тока, потому и стоят машины насосы». Не нашел Панов и приводных ремней от машин. Немцы сообщили, что два или три дня назад в город приехали четверо фашистов — на подметях. Панов еще долго биска на берегу этого озера со словеарем и с этими тремя немцами, пока не узнал, что недополучив проивает старый инженер, сорово озабоченный русским языком и всю систему водообеспечения.

Они быстро приехали в этот самый Литтенберг и очень скоро нашли нужный домик. Им открылся старик, который действительно профессор географии по-русски, так как еще при царе основал высшую сельскохозяйственную школу, кажется, в Витебске. И в Литтенберге немцы сидели без воды, по-тому старик взялся помочь Панову. Но сначала старший лейтенант выложил старика и его жену: он отдал им свой паек — колбасу, консервы, хлеб, масло. Хозяин принес карту Берлина, показал все водонапорные станции города. По карте Панов узнал, что основной водонный город — Вайксзе (Белое озеро) находился в пока еще занятом фашистами секторе. От него шла трасса основного водопровода, питавшего все районы города. Кроме того как и предполагал Панов, берлинцы получали воду из Шпрее и Фридрихсгагензе.

На следующее утро Панов и его новый знакомый поб обстреливали пробылки и оводу Шпрее помогали найти трех рабочих, отснявшихся в

подвале напорной станции. Дрова и уголь для паровой машины отсылали наши солдаты. Панов сам установил машину, увидел, как пошла от станции вода по трубам в город. Но идет ли она в дома? В одном месте они наткнулись на огромную толпу — люди стояли с ведрами и брали воду из лопнувшей трубы. Старик вспомнил, что совсем рядом филиал фирмы, которая до войны занималась ремонтом водопровода, и что там, наверное, можно найти автоген и сварщик. Автоген они действительно нашли. Сваривать же трубы пришлось сварить сварщик. Затем они снова обязались своей участю: опускаться в колодезь, лазить в обвалившиеся подвалы — латать порванные трубы. На четвертый день у них кончилась еда. Встречный солдат показал им немецкий продовольственный склад. Панов взял под расписку несколько банок супчицы, хлеб, колбасу, шоколад. На пятый день их увидел какой-то старший лейтенант. Он сказал им, что кончилась еда. «Как?» — спросил Панов. «А вот так, брат, слышишь — не стреляют...»

Панов простился со стариком и вернулся в часть, где деловито, что все в порядке. Его отпустили отдохнуть, через два дня перед строем полка вручили орден Отечественной войны II степени... Анатолий Иванович живет в подмосковном городе Пушкино. Он старший инженер-инспектор по строительству.

Евгений МЕСЯЦЕВ

ствол автомата на перила. Полоснула очередь. Дорожкин удавленно посмотрел наверх, выронил автомат, сполз плечом по статуе Вильгельма, оставаясь на ней темной след.

— Танкст! Танкст!

Лейтенант Берест выскочил из-за колонны, отшвырнул автомат, подбежал к Дорожнику, схватил ручной пулемет. И, быстро оглядывая галерею, стов, разнул очередями поверху, потом толчками пошел вперед, на немец, стреляя на ходу, крича:

— He-et! He-et! He-et!.

БЕРЛИН. 2 МАЯ.

Наблюдательный пункт маршала Жукова.

Жуков стоял у окна и смотрел на горящий город. Все мерцало вспышками негнущегося боя. Он поднял электрический фонарь и часам — шел третий час ночи.

Маршал вдруг поднял голову — показались: канонада стала затихать. И в ту же минуту особенно отчетливо донеслись знони телефонов, голоса офицеров из другой комнаты. Дверь распахнулась, возбужденно шагнул через порог, адъютант сообщая радостным голосом:

— Товарищ маршал, Чуйков у телефона!..

— Чуйков. Что? Что? — спросил Жуков и даже приложил ладонь к трубке.

Все генералы в комнате замерли. И в наступившей тишине услышали голос Чуйкова:

— Товарищ маршал... Гитлеровцы выбросили белый флаг, начали сдаваться!

— Что? Повтори!

— Гитлеровцы выбросили белый флаг. Сдаются.

— Поздравляю тебя, Чуйков, поздравляю! — только и сказал Жуков, взглянув возбужденными глазами на генералов.

Жуков положил трубку и долго стоял, молча оглядывая радостно-возбужденные лица генералов, но в силах прервать этого счастливого молчания. В ту же минуту зазвучали несколько телефонов, послышались треск, визг разрядов, невинные шумы в рации, и возник голос офицера, вставшего возле рации в углу комнаты:

— Товарищ маршал... — Он задыхался. — Товарищ маршал! Берлинский гарнизон просит нас перейти на волну четыреста сорок!

Жуков быстро подошел к рации. Громкий, с акцентом голос повторял с упорной однообразностью:

— Товарищ! Товарищ!... Переходите на волну четыреста сорок. Просим прекратить огонь. Просим прекратить огонь иступить в переговоры!

Жуков молчал некоторое время, затем повернулся к радисту, кинул:

— Переходите на передачу!

В наушниках звучал все тот же нерусский голос:

— Просимступить в переговоры.

Переключив рычаг передком, Жуков сказал твердым голосом:

— Наше условие одно: безоговорочная капитуляция. Огонь прекратить через пятнадцать минут. Пленных будем принимать у Бранденбургских ворот. Всем гарантируем жизнь. Всем гарантируем жизнь... дважды повторил он.

«Виллис» Жукова мчался по улицам Берлина. Улицы с вывешенными на всех балконах белыми флагами были еще перегорожены баррикадами, завалены жернем кирпичом, железом, еще белели на стенах выведенные остроконечными буквами геббельсовские фразы: «В Берлине никогда не будут русские!», «Капитуляция — нет!». Но уже странная, непроницаемая тишина висела над обжатым пожаром городом.

— Неужели конец! — тихо сказал адъютант Жукова, с недоверием глядя на тачные дома, притихшие в сером рассветном сумерке. — Четыре года, товарищ маршал. Сорок семь месяцев... —

— 140 дней и ночей, — ответил задумчиво Жуков.

Рейстаг со знаменами на куполе и на фронтоне еще дымил, но у входа его нечеловечески своим славы солдаты, мерзкие и когда раздались первые выстрелы победного салюта, когда посылались ликующие крики «Победа!» и люди бросились навстречу друг другу, обнимаясь и целуясь, когда со всех сторон площадки к рейстагу стали сплзаться танки с красными знаменами, когда раздались звуки моторов, салют, крики не могли разбудить солдат на ступенях рейстага.

Эти солдаты были мертвы.

Потом из главного входа рейстага, пошатываясь, вышел капитан Неустров в насквозь прожженной гимнастерке, смертельно усталый, весь черный от гарн. За ним вышел старший лейтенант Гусев и лейтенант Берест. Остановились на ступенях, глядя вокруг, глубоко дыша, как бы не веря тому, что видели.

Толпы солдат возле рейстага стреляли в воздух из всех видов оружия, все кричали, смеялись, обнимались, целовались, везде звучало только одно слово: «Победа, победа!» И было видно, как несомненные колонны пленных шли мимо Бранденбургских ворот; груды сложенного оружия темнели там.

Ну! — взглянул на Береста и Гусева, едва выговорил капитан Неустров и, с усилием подвывая вперед, на башню, на ступени, но очереди не последовало. — Все патроны! — крило сказал Неустров и, отшвырнув автомат, вынул пистолет, несколько раз выстрелил в воздух. — Победа! Победа!.

— Братцы, конец войне, кон-ещ! — кричал и смеялся кто-то рядом с ним.

В это время свозь толпу солдат, стоявших на ступенях, к Неустрову проигнулся танкист капитан Васильев, грубовато сгинул его, крикнул с отчаянным весельем:

— Ну, жывой, лехитинец! Живой! А где мой Дорожкин! Где Дорожкин! Хочу увидеть Дорожкина!.

Неустров хотел ответить, но тут его, Береста и Гусева подхватила кри-



Бой за рейстаг... Он силнее солдатам по ночам, этот бой, знаменующий собой победу. Они сражались с удвоенной, с удвектерной яростью — за себя, за возлюбивших товарищей, за развалины Сталинграда, за хехенградских детей. Фото Льова РЮМИНА

чащая что-то группа возбужденных офицеров, потащила стремительно куда-то вниз, по ступенкам, и Неустров и Берест не успели ответить. Только беспечно оглядывались на танкиста.

— Где Дорожкин! — крикнул Васильев и бежал в рейстаг, наполненный солдатами. — Дорожкин! — кричал он. — Есть тут Дорожкин!

Он протискивался сквозь толпы солдат, смеющихся, ликующих, оглядываясь по сторонам, но никто не откликнулся. Возле вестибюля взгляда его скопнулся по статуе Вильгельма с оббитой рукой, статуя эта измазана была чем-то темным. Васильев не мог ничего знать и пошел дальше, крича уже с отчаянием:

— Дорожкин! Дорожкин!

— Нету тут Дорожкина, — ответил кто-то весело. — Тележник тут есть. Во-он с усами!

— Дорожкин! Дорожкин!

Васильев вышел из рейстага в кричащий, радостный мир победы, счастливых лиц, смея, улыбок, в гром салюта, в майское утро, в движение толп солдат — и все искал глазами Дорожкина, но не находил его. Внезапно взгляд его остановился на сидевшей на ступенях девушке-санитростре с поганым старшином. Она сидела, смеявшись, опустив ноги в ладони, новенькая питочка косо держалась на ее волосах, была видна склоненная тонкая шея.

Он подошел, наклонился, тоненько отнял ее ладони от лица. В глазах ее стоял слезы. Это была Зоя.

— Товарищ старшина, — сказал Васильев, — не надо слез. Победа ведь...

Она молча, глотая слезы, смотрела на него и странно качала головой из стороны в сторону, как будто не понимая.

А вокруг бешавал, кипел, смеялся, кричал счастливый день.

Великий день нашей Победы.



АКТИВИСТЬ ПЕРВОГО ЧАСА

Елаговарный народ назал як очень емко и точно «активиста первого часа». Уже в первые часы после крушения гитлеровского рейха, когда сродни населения царин отчаяние, страх и неверие, эти люди засучив рукава начали раскопывать, восстанавливать то, что можно и мужи́но было восстановить, строить новое. Им было нелегко: в развалинах лежали города и заводы, еще страшнее были руины в душах людей. Но «активиста первого часа» не отчаивались, не падали духом, работали, не щадя сил. Они тесно сотрудничали с советской военной администрацией.

Незабываемыми останутся для меня встречи с Вальтером Ульбрихтом. Впервые я познакомился с ним еще во время войны: в декабре 1943 года он прибыл в Попутуправление 1-го Белорусского фронта. Товарищ Ульбрихт был известен как один из руководителей КПГ и организатор Национального Комитета «Свободная Германия», мы хорошо знали какую огромную работу среди солдат и офицеров немецко-фашистской армии проделал он при осуществлении Сталинградской операции (накомар на него гимназиста был орден Отечественной войны 1 степени). Теперь же, когда мы познакомился с ним

лично, на нас произвели огромное впечатление его неиссякаемая энергия, глубокая убежденность в правоте нашего общего дела борьбы с фашизмом и непоколебимая вера в победу, беззаветная храбрость и мужество. Он не ограничивался тем, что составлял листовки, в которых говорил немецкому солдату правду о войне и фашизме, указывая путь и спасению. Не зная страха и усталости, он отправлялся на передовую и через мощную громкоговорящую установку непосредственно обращался к немецким солдатам. Позже многие переболевшие рассказывали мне на допросах, что они читали листовки, составленные Вальтером Ульбрихтом, и слышали его голос. Именно он помог им прогнать страх перед русским пленком, который выжидал геббельсовская пропаганда, ему они обязаны спасением жизни.

Еще шли ожесточенные бои за райосты, когда в Варнин прибыл товарищ Ульбрихт с группой работников Центрального Комитета КПГ (не так и называли — группа Ульбрихта). Под его руководством было начато восстановление легальной деятельности антифашистских демократических партий и организаций, нормализация политической и экономической жизни в советской зоне оккупации Германии. Он всегда оказывался там, где было труднее всего. Вме-

сте с Вильгельмом Лиском товарищ Вальтер Ульбрихт неустанно трудился над созданием фундамента будущей Германской Демократической Республики.

В июле 1945 года в Галле я впервые встретил Роберта Зигерта, еще одного «активиста первого часа». Его жизнь очень примечательна: рабочий-наемщик, он еще в молодости познакомился в Швейцарии с Владимиром Ильичем Лениным и сохранял навсегда воспоминания об встречах и беседах с великим вождем мирового пролетариата. Зигерт — активный участник Ноябрьской революции 1918 года, член солдатского Совета 10-й армии. Он стал членом Коммунистической партии Германии со дня ее основания — 30 января 1919 года.

В 1932 году над Германией опустилась черная ночь фашизма. Для Зигерта она означала подполье, аресты и пытки в гестапо. Даже в лагерь Бухенвальда Роберт не падал духом, поддерживал других. Он был членом подпольного лагерного актива и «говорил» с советской жизнью. Лишь восстановление уннунов 11 апреля 1945 года спасло ему жизнь. Три месяца спустя, когда в Саксонии-Анхальт формировались органы немецкого самоуправления, Роберт Зигерт по рекомендации ЦК КПГ был назначен пер-

вым вице-президентом, а затем — заместителем премьер-министра и министром внутренних дел. Однажды представить советского командования, знал о плохом состоянии здоровья Зигерта, послал ему продукты и угольные брикеты. Но тот переслал все это детскому дому (точно так же он в Бухенвальде отдавал свою изнеурную папку хлеба слабым и больным).

В последующие годы Роберт Зигерт работал в Берлине начальником Главка Министерства строительства и научным сотрудником Академии строительства. Лишь тогда ему исполнилось 80 лет, он ушел на пенсию, но даже и сейчас не стоит в стороне от жизни, не сидит пассивно: он активно участвует в работе Международной Федерации Борцов Сопротивления и Академии наук ГДР, встречается с молодежью рабочих, крестьян-колхозников, охотно выступает перед пионерами. Таким Роберт Зигерт, ветеран рабочей гвардии.

Я назвал лишь два имени, но их было много, «активистов первого часа». Сегодня они не ушли в запас. Строители новой Германии, они и первые в первых рядах борцов за мир и социализм, за дружбу с Советским Союзом.

Владимир ГАЛЛ

МАЙ 1945

Советский Союз явился основной, решающей силой, определившей ход и исход второй мировой войны. Он внес наиболее крупный вклад в дело разгрома фашистской Германии. Победа советского народа подтвердила, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное развитие социалистического общества.

Это стало возможным потому, что беспылко тяжелой, священной борьбой советского народа твердо руководила славная Коммунистическая партия, созданная и воспитанная великим Лениным.

Фото Изабеллы ШАГИНА



К концу 1941 года общая численность фашистских войск, находившихся на советско-германском фронте, составляла 5 093 тысячи человек. В действующей армии с нашей стороны находилось 4 197 тысяч человек. А в 1945 году против 6 532 тысяч советских солдат и офицеров фашисты выставили 3 100 тысяч человек.

★

В авангарде всенародной борьбы против фашизма шли коммунисты. К концу войны в рядах Вооруженных Сил находилось до 60 процентов состава партии. Более 3 миллионов коммунистов погибли на фронтах. Свыше 6 миллионов советских людей пополнили ряды партии за годы войны.

Жертвы Советского Союза в войне составили 20 миллионов человек. Половина из них — мирные жители и военнопленные, убитые и замученные гитлеровцами. Фашисты разрушили 1 710 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень. Полностью или частично уничтожено почти 32 тысячи предприятий, 65 тысяч км железнодорожных путей.

★

За годы войны разгромлено и уничтожено 507 вражеских дивизий из 587. Фашисты потеряли в боях 77 тысяч самолетов, 167 тысяч артиллерийских орудий и 48 тысяч танков. Потоплено 700 вражеских боевых кораблей и катеров, в том

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будюка

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87

Сдано в набор 24/III 1970 г. А 00048. Подписано и печ. 14/IV 1970 г. Формат бум. 70 × 108/16.
Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 260 000 экз. Изд. № 008. Заказ № 1067.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

НЕБО ГОЛУБОЕ

Слова Риммы КАЗАКОВОЙ

Музыка Павла АЕДОНИЦКОГО

На фотографии в газете
Исчетно изобразены
Бойцы — еще почти что дети,
Герои мировой войны.

Они снимались перед боем —
В обмунд. пятаю у раа,
И было небо голубое,
Была зеленая трава.

Никто не знает их фамилий,
О них ни песен нет, ни книг.
Здесь чей-то сын, и чей-то дядька,
И чей-то первый ученик.

Они легли на поле боя,
Жить начинаше едва,
И было небо голубое,
Была зеленая трава.

Забить тот горький год, неблизкой,
Мы никогда бы не смогли,
По всей России обелским,
Как души, раутся из земли!

...Они прижили жизнь собою,
Жить начинаше едва,
Чтоб было небо голубое,
Была зеленая трава.

С ПЕВЧАМИ ДИКОИМИ. МУЗ. П. АЕДОНИЦКОГО.

числе 3 линкора, 3 крейсера, 19 эсминцев, 48 подводных лодок.



За героизм и мужество в боях с фашистскими захватчиками 11 525 воинов 100 наций и народностей стали Героями Советского Союза, в том числе 104 — даяды и 3 — тринды. Среди Героев 73 женщины [29 летниц]. За боевые подвиги было вручено 5 300 тысяч орденов СССР: орденов Ленина — 8 800, орденов Красного Знамени — 238 тысяч, Отечественной Войны 1-й степени — 324 тысячи, 2-й степени — 951 тысяча, Красной Звезды — 2 811 тысяч, Славы 1-й степени — 2 200, 2-й степени — 46 тысяч, 3-й степени — 868 тысяч.

РОДИНА-МАТЬ ЗОВЕТ!



В. ИВАНОВ, О. БУРОВ



А. КОКОРЕКИН

Неповторимо искусство плаката. Он всегда обращен к массам, он всегда с народом. В суровые годы Великой Отечественной войны плакат стал могучим средством мобилизации советских людей на борьбу с врагом. Он прославлял героические подвиги бойцов и тружеников тыла, беспощадно разоблачал и высмеивал фашистских захватчиков. Плакаты военных лет

отличались большой жизненной силой, патриотической страстью, высокой и благородной идеей. Перед вами плакаты времен великой битвы с гитлеризмом. Каждый из них — это призыв к победе, это художественный образ нашей стойкости и мужества, непреклонной воли советского народа сокрушить врага. В каждом плакате — сама победа.



КУКРЫНИКСЫ

И. ТОНДЭ

**СИЛА
И
СТРАСТЬ
ПЛАКАТА**

В. ДЕНИ, И. ДОЛГУРОВОК



И. СЕРЕБРЯНЫЙ

П. МАЛЬЦЕВ

